

Избранные произведения участников
фестиваля "Словенское поле - 2016",
прошедшего 29-30 июля 2016 года
в Изборске и Пскове

СЛОВЕНСКОЕ ПОЛЕ 2016

СТИХИ

СЛОВЕНСКОЕ ПОЛЕ 2016

СТИХИ

**Псков
2016**

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Наталья Лаврецова
Вита Пшеничная
Андрей Бениаминов

Оформление Андрея Бениаминова

«Словенское поле – 2016» : стихи – Псков, 2016. – 136 с.

Поэтический сборник «Словенское поле – 2016» включает в себя избранные произведения участников одноимённого фестиваля, прошедшего 28–30 июля 2016 года в Изборске и Пскове.

 В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

Всякое коммерческое использование произведений сборника – полностью или частично – возможно исключительно с разрешения авторов. Нарушения преследуются в соответствии с законодательством и международными договорами РФ.

© Авторы произведений

© А. Бениаминов, составление, оформление

© Псковское региональное отделение Союза писателей России

ВСПОМИНАЯ О ФЕСТИВАЛЕ...

«Дорогие друзья, спасибо вам за ту атмосферу, которая царила на этом фестивале, на этом празднике и спасибо псковской земле, которая из года в год собирает старых друзей, помогает нам обрести новых...»

Дарья Ильгова, г. Москва

«Смоленская поэтическая аура. Мы ей всегда гордились и будем гордиться. Твардовский, Исаковский, Рыленков... Друзья, но та аура, которую создаёт ваш фестиваль, эта аура стала соперницей смоленской ауры...»

Владимир Королёв г. Смоленск

«Мы, гости фестиваля «Словенское поле-2016», в полной мере ощутили на себе тепло и заботу, искреннее внимание и интерес к себе и от организаторов нашего праздника поэзии, и от замечательных псковичей! Самые добрые воспоминания сохраню и об участниках фестиваля, со всех концов России приехавших в Псков, из стран ближнего Зарубежья, из Финляндии...»

Ольга Флярковская, г. Москва

«Самое же главное было то, что организаторам удалось создать на фестивале непередаваемую душевную и тёплую атмосферу творческого и дружеского общения. Поэтому многие участники нынешнего «Словенского поля» уже твёрдо решили для себя, что в будущем году опять приедут в благодатный древний псковский край, чтобы в своих стихотворных строках вновь отразить историю Отечества...»

Светлана Конева,
пгт. Мга Ленинградская область

* * *

Уедешь от Москвы на сотню верст
И позабудешь шик и благородство.
Такое вопиющее сиротство
Сквозь сотни лет – лишь поле и погост.
И скудных сел прозрачны миражи.
И ворон над дорогою кружит.

Стоишь и смотришь вдаль, окружена
Печалью вековой, печалью древней.
Над тусклой вымирающей деревней
Рассветная нависла тишина.
Махнуть и позабыть бы разум рад!
Да только здесь твой дед, отец и брат...

Чему служили век, не заслужив
Ни почестей, ни звания, ни чина
Твоей семьи великие мужчины,
Отечества достойные мужи,
И женщины им равные под стать.
Всех не упомнить и не рассказать.

Измученный и жертвенный народ,
Овеянный прощением и тайной.
Он на костер прощальный, погребальный
В который раз не сетуя взойдет.
Стоишь и века крутится спираль
И всех так жаль, так бесконечно жаль.

Задумаешься снова ли, Бог весть,
В московской ошалелой круговерти
О святости служения и смерти.

Поэтому вдыхай, пока ты здесь
Стоишь – и как в былые времена -
Причастна, сожжена и прощена.

* * *

Есть на земле особые места,
Где времени раздел особо тонок,
С невидимой духовною нагрузкой,
Куда ты приезжаешь, как домой.
И где бы дух твой ни произрастал,
Будь ты старик, и взрослый, и ребенок –
Ты станешь здесь невыносимо русским,
Невыразимо русским, милый мой.

Пройди продольным берегом реки,
Сквозь луга зеленеющую поросль,
Сквозь рощ цветущих яркое убранство
Под храма белоснежный монолит.
Здесь корни оживают, глубоки,
Услышав с детства столь знакомый голос –
То сквозь незримые столетья и пространства
Бессмертный Пушкин с нами говорит.

СЛОВЕНСКОЕ ПОЛЕ

Древнему прекрасному Изборску

Я тихонько поглажу окрылье седого креста
И расслышу тяжёлую поступь веков за плечами.
Лебединый полёт прослежу над Святыми ключами,
Чья вода, словно ангелов слёзы, извечно чиста.

Я на поле взойду по истёртым ступеням былин,
Ветер вечен здесь тоже, он крылья растит за спиною.
Их потом сохранить бы хотелось любой ценою,
Чтобы всласть полетать над просторами сонных долин.

В древнем храме затеплю свечу, хоть не выдержан пост.
 Попрошу, чтоб Господь вразумил нас с отцовским терпением.
Здесь Он лучше расслышит слова и вернёт вдохновеньем
Добрый сердца порыв, даже если наивно он прост...

У начала земель, у ключей от истоков времён,
У корней осознания величия нашего рода,
В честном поле словенском меня осеняет свобода -
Гордость русской души сохранять среди прочих племён.

OST

*Посвящается моему отцу, его сестре и всем
детям -узникам фашистских концлагерей*

От этой боли никуда не деться:
Всё кровоточит сквозь десятки лет
Колючей проволокой содрванное детство,
Дым крематориев всё застит белый свет.

Вдруг, окрик «Halt!» сквозь сон по сердцу ахнет,
Вдруг, лай собак опять напомнит им
О том, неизмеримо-смертном, страхе:
«Не дали крови, значит, в печь – горим!»

Да неужели волей человеческой
Ключ повернулся в адовом замке,
И номер выжжен чёрной меткой вечной
На тонкой до прозрачности руке?!

Их детства не было, его война сгубила,
Концлагеря петлёю захлестнув.
Их Родина, приняв назад, клеймила,
Чужой пустой баландой попрекнув.

Что может «оправдать слезу ребёнка»?
Какие цели в мировой борьбе?
Нашивка «Ost» на детской рубашонке
Болят сквозною раню в судьбе...

* * *

Говорят, что когда они взяли рейхстаг,
Прямо тут же – на площади после атак,
Прямо тут же – на улицах и на мостах,
В парках, в скверах на срезанных боем цветах,
На земле, на асфальте, в пыли, на камнях,
Спать легли, эту землю чужую обняв.

Им была немила неродная земля,
Им берлинские камни кололи бока,
Где-то ждали свои города и поля,
Но дорога до них далека-далека.

Там хватало своих парков, улиц и нив,
Там поют соловьи на родном языке.
Ту бесценную землю от пуль заслонив,
Спал советский солдат – палец ныл на курке.

Не по собственной воле пришёл он сюда,
И не первый он начал, возмездьем грозя.
Спал вполуха солдат: эка, братцы, беда –
Тут как следует выспаться даже нельзя...

Сколько было всего на жестокой войне,
Сколько слышал всего от героев живых!
Почему же так горько, мучительно мне
Вспомнить наших солдат на чужих мостовых?

Почему же так сладко, так радостно мне,
Что стоит на коленях надменный рейхстаг
В исцеляющем пепле, в священном огне,
Что Берлин в белых флагах, как в белых бинтах,

И повсюду: на площади после атак,
На дымящихся улицах и на мостах,
В парках, в скверах на срезанных боем цветах,
На земле, на асфальте, в пыли, на камнях,
Спят солдаты, спасённую Землю обняв, –
И улыбки цветут у живых на устах...

ЗАСАДНЫЙ ПОЛК

Ордынцы знали в сраженьях толк
И победить могли, –
Когда б не русский засадный полк,
Выросший из-под земли.

Расстреляны стрелы, тупы мечи,
Изрублен княжеский стяг.
И вдруг – свирепые бородачи
На свирепых конях!

Орда стушевалась: кто падал ниц,
Кто прочь уже гнал коня.
Откуда?! Откуда они взялись
Почти на исходе дня?

Да просто в дубраве, не видны,
Стояли с ночи, таясь,
Стояли и видели всё! И, бледны,
Ждали, ждали свой час!..

В минуту славы твоей, Пересвет,
Руки к мечам рвались,
Но нам сказал воевода: «Нет!
Не время! Охолонись!..»

Напьётся крови ордынский волк,
Не чуя свою беду, –
Тогда и встанет засадный полк –
Тогда вас и поведу!..»
Россия, страшно молчать – в слезах,
В ярости и тоске,
Когда друзей на твоих глазах
Давят, прижав к реке!

Слышишь ли крики твоих куликов,
Шёпот ковыльных трав –
И нетерпенье засадных полков
Твоих Зелёных Дубрав?..

ЗВОНАРЬ

Дюж и мил звонарь! Голосиста медь!
Время веры не для безбожников!
Та свята страна, где умеют петь
Колокольни и небо с дождиком.

Породил трезвон беспокойство трав,
Рябь речную и рябь озёрную,
И восславил он посреди дубрав
Землю-матушку чудотворную.

Крепче бей, звонарь! Пробуди задор,
Силу жизни озвучь как надобно!
Не забудь о тех, кто душою хвор,
И того, чья дорога пагубна.

Да услышат все, кто с рожденья глух,
Эту песню другими нотами,
Донесёт её тополиный пух
Танцем музыки с разворотами.

Но сейчас, звонарь, погоди чуток,
Дай мгновение дня почувствовать,
Унесёт его наших лет поток,
Не догнать его, не сопутствовать!

А теперь хлещи, что есть силы, медь,
Пусть гласит она с переливами:
Та свята страна, где хранима твердь
С малой заводью и разливами!

* * *

Гей, родимые, ливни-кони,
Пробегая по небу вскачь,
Сбросьте каждому по подкове
Знаком скорых больших удач!

Будет ярко блестеть на стёклах
Этот символ узором струй,
Чтоб душа от тоски не сохла
И не знала гнетущих сбруй.

По утрам я по звонким росам
На луга вывожу коня,
Ходит мирным и безголосым
Он под алым восходом дня.

Эти слуги умны и горды,
Что им дождь или серый смог!
Мчат они, запрокинув морды,
Нас по пыли больших дорог.

Отчего же с кипучей злостью,
Понуждая бежать быстрее,
Бьют кнутами земные гости
В дикой гонке своих коней?

Хлещут истово братьев меньших,
До слезы лошадиной, в кровь!
Завтра спешки не будет меньше,
И хрипеть бедолагам вновь.

Гей, родимые, ливни-кони,
И не ведаем, жизнь любя,
Что за нею в лихой погоне
Мы пришпориваем себя.

ЭТО РУСЬ!

Славят в рощах птички трубадуры
Рай земли и яркий небосвод.
Здесь любая чёрствая натура
Может прослезиться от красот.

Это Русь! Великая бескрайность,
Глубь озёр и даль ржаных полей,
Тонких верб извечная печальность
И задор танцующих дождей.

Сказывают, бросила на счастье
В речку Богородица звезду,
Чтобы непременно возвращаться
К заводи по лунному мосту.

С той поры восходит на рассвете
Зорька в ниспадающих шелках,
Призрачен, божественен и светел
След её на белых облаках.

Вряд ли где-то так же зреют росы,
Льётся тишь и виснут над прудом
Чудные берёзовые косы,
Лиственным сияя серебром.

А в деревне важничают гуси,
Лают псы, враждуют петухи,
Чьих хозяев сроду не отпустят
От себя родные уголки.

Это Русь с грехом своим и верой,
Правдой дум и дверью на засов!
Только Русь помолится усердно
О врагах своих у образов!

И понять не смогут иноземцы,
Яблоневым запахом дыша,
Что такое божья искра в сердце,

Русский дух и русская душа.

СЕБЕЖ

На границе у трёх государств,
Будто шалью, укутанный лесом,
Средь озёрных русалочьих царств,
Себеж спрятан под звездным навесом.

Сколько раз он увидел рассвет,
Как встречались влюбленных глаза,
Сколько войн пережил, сколько бед,
Сколько раз проносилась гроза...

Раскатился зелёным ковром,
Город Себеж озерный, лесной,
И сейчас греет нас день за днем,
Бережет в сердце мир и покой.

* * *

Это ночь раскрывает секреты твои, древний город.
Обветшали валы крепостные и высохли рвы.
И сквозь кровлю худую стекает водица за ворот
Старых башен твоих, стерегущих, как прежде, холмы.

Все защитники пали, и некому стать на сторо́жу,
Оберечь этот град, если снова приблизится враг.
Только вздохи, и шорох, и шелест травы у подножья,
Только синие тени неслышно сползают в овраг.

Тьма закинула сети и тащит, цепляя за крыши,
Груды спящих кварталов, попавшихся в чёрную сеть.
Нет спасения здесь. Но спасенья не будет и выше,
И даны в утешенье два мифа – бессмертье и смерть.

Ночь проходит своим чередом, и яснее окрестность,
А на утренней зорьке в предместьях поют петухи,
Беззащитно глядит эта некогда грозная крепость,
И бойницы, как вдовьи глаза, и темны, и сухи...

* * *

Я слово скажу о таинственной тяге
К холмам и деревьям, бегущим по склону,
Не горы и доли – мне снятся овраги
И древние русла в их глуби зелёной.

Чтоб малая тропка – всё круче и круче –
Взбиралась туда, где лишь облака остров,
Да битый кирпич, да шиповник колючий,
Да старого храма зияющий остов.

Я слово скажу о любви потаённой
К охапкам цветов золотых палисадов.
Их списывал август с рублёвской иконы:
По злату шаров – георгины рядов.

Я слово скажу о глубокой приязни
К напуганным временем чёрным колодцам.
В них слово уронишь, и слово увязнет,
И долго, и гулко, и глухо забудётся.

Меня приучили к себе эти стены,
Надменный собор, что глядит исподлобья.
Я, может быть, слепок, непрочный и тленный,
По образу, духу его и подобию.

ДРЕВНИЙ ГОРОД

Здесь проступают по весне
Размытые водою строки,
И зрим – невидимый вполне -
Собор на призрачном Протоке.

А осенью, когда туман
Сползает в балки и овраги,
Я вижу за туманом стан
И боевые вражьи стяги.

И кровь, и пот, и страх, и злость,
И все преданья и святыни, –
Всё в этом городе слилось
И плачет, и зовёт доньине!

Ещё слышны обрывки слов,
Колокола и звуки меди,
Здесь ни один сюжет не нов –
От пасторалей до трагедий.

О город тайной ворожбы!
Я знаю по своей ладони:
Бледнеет линия судьбы
На древнем ирреальном фоне.

* * *

В старинном светлом городе Торжке
цветет осока в маленькой реке.
Пылят дороги, кротко тлеют церкви.
Все, как везде:
на памятнике цепи,
я на машине
в телефон смотрю
и пальцами с далеким говорю
неслышными и тайными словами.
Все, как всегда:
я здесь, но я не с вами.
Колдобины,
отцветшая сирень...
Окно открыто.
Панова свирель
перепевает радиобурду.
Я «в домике» рыдаю на ходу.
Так больно – но так правильно и надо! –
И сердце, переполненное адом,
под лепестками топится в реке
в старинном светлом городе Торжке.

* * *

Наводнённый варягами, фрицами выжженный город,
я любила тебя и стеснялась, как пьющую мать.
Сколько будешь в пустыне, пустыней?
Как Мойша, лет сорок? -
чтоб себя изменить – или что-то хотя бы понять.
Здесь крутые холмы и великие прежде заводы,
здесь речные откосы заплёсканы памятью войн,
тут святые отцы
и купцы,
тут дела и заботы,
только память над Волгой – как вдовий отчаянный вой...
В забурьяненных парках шпана полосует скамейки,
треть моих одноклассников умерли или сидят.
Я по пыльным дорогам старательно делаю змейки,
помяная бомбёжку и тщетно полёгших солдат.
По путям неметёным без страха хожу даже ночью...
Не боюсь темноты, но мой ужас другой и сильней:
что душой обезбожен, как улицами обесточен,
город; ты меня жжёшь, как велел преподобный Матфей,
чтобы было светло и не холодно мирно жующим.
Ты не любишь меня.
Ну, а я в тебе просто живу.
Сколько ты простоишь на изломе меж прошлым и сущим?
Моя мать никогда не пила.
Уезжаю в Москву.

СВЕЧА

Вновь закапаны воском руки,
Только света в душе не видно...
К маме, бабушке и супруге
Обращаюсь в стихах-молитвах:

Заплутавшей надежды ради –
В паутине иконных трещин –
Озаряется Богоматерь
Триединой любовью женщин.

Горний свет, что во тьме затерян,
Сквозь соборный витраж прорвется:
По душе, по судьбе, по вере –
В теплом воске займется солнце!

СТРОКА

*«Лодка и парус, и брызги – в глаза»
Николай Абрамов*

В реанимацию друг угодил.
Утром звонок: «Вот, готовлюсь на выход...
Маршем –
сквозь строй медицинских светил!
После увидимся...» В комнате тихо.

Перекричать не дано тишину.
Хочется края каталки коснуться...
Друг под наркозом без боли уснул,
Чтобы уже никогда не проснуться.

Что ж он в деревню уехать не смог? –
Мама по сыну соскучилась очень...

Не заживает на сердце ожог
В личном «Контакте» оборванных строчек:

«Лодка и парус, и брызги в глаза...»
Перед судьбой – медицина бессильна...
Подает навзничь душа в небеса,
Сложены накрест холщевые крылья.

СОСНА

Шли полки
в тридцать девятом,
шли на смерть:
ради этой мёрзлой тверди
умереть,
ради Родины,
продрогшей до границ,
до сосновых перепуганных ресниц,
до бетонного накатанного лба –
побросала в снег будёновки пальба...
Ох, не скоро в крепкий наст войдут штыки,
побратаются разбитые полки
и заплачет лейтенантик молодой
над поваленною траками сосной:
Не годится так, ребята – всё круша!
Отойдет заиндевелая душа...
Далеко еще до чаши мировой:
Есть ли кто на этой горочке живой?
Только сосенка – покорна и чиста.
Безымянную зовется
высота.

КОНЦЕРТ ДЛЯ СКОРБИ С ОРКЕСТРОМ

*Кто-то подсчитал, что если всех погибших в Великой
Отечественной собрать вместе, построить в колонны и
провести по Красной Площади, то этот страшный парад
длился бы ... 19 ДНЕЙ.*

Швырнул с размаху дирижер в оркестр форте,
И взмыл аккорд – корабль с космического порта,
И унеслись басы, остались только скрипки
Росинки слёз низать на краешек улыбки...

И вдруг над залом тихим, будто полусонным
Я увидала их, их – тысячи, их – сонмы!...
Всех, кто убит, сожжен и голодом удушен.
Все, не успевшие пройти по жизни души,

По Красной Площади идут. Они не судьи.
Они несут свои несбывшиеся судьбы,
Они мечты свои несут и воздух тесен
От непостроенных мостов, неспетых песен,

От ненаписанных картин, стихов, трактатов,
Не пересданных на четверку сопроматов,
От невзлетевших кораблей к иным планетам,
От несплетений жарких рук перед рассветом...

Они идут. Они спокойны, светлолицы,
Им никогда уже ни в ком не повториться.
И этим, маленьким, везунчикам. Тем летом
Они не поняли, что их на спор, дуплетом...

Смотрел оркестр, чуть замешкавшись на коде,
Как наше будущее в прошлое уходит.
Туда, где принят их парад за облаками,

Они ушли... И дирижер поник руками.
А мне не крикнуть им вослед, не повиниться
За этих судеб непрочтённые страницы,
Сдавила горло немота и жмёт до хруста.
И Площадь Красная пуста. И в мире пусто...

ЛИШНИЙ

Нелицеприятен, нетелоопрятен, несловопристоен
вошел он в троллейбус и ехал молча, сначала стоя
среди массы тел.

Но, как только брезгливой волной отхлынула публика
и в этом месте
оказалось пустое пространство, как дырка от бублика
в человеческом тесте,
он грузно сел.
И были его глаза старше всех лет на двести...

Он прятал в них под тяжелыми веками сонными
секреты про жизнь и смерть, и про Хиггса с его бозонами,
только бисер метать перед этими фанфаронами
нужным не находил.

Он жил в гараже с такими же «гаражанами»,
профессиональными диогенами и жан-вальжанами
и пил не коньяк и закусывал не баклажанами
и никого ни в чем не винил.

От вещей и денег он был совершенно свободен.
Мобильник и гордость – дóроги и сложны в уходе,
пустые бутылки – вот это другое дело!
и полная сумка его несмолкая звенела,
подпрыгивая на изгибах дорожного тела,
что вызывало поджатие губ в народе
И тягостные минуты...

И никто не сказал ему прямо: – «Привет, Сократ,
ты же сам понимаешь, тебе тут никто не рад,
Извини, но ты лишний, уж так получилось, брат,
ты иди, пей свою цыкуну...»

ИСПОВЕДЬ ПРОФЕССОРА СОРБОННЫ

Поверьте мне, Сорбонна – это яд,
И я уже отравлен безнадежно.
Пусть, морщат нос учёные невежды,
И пусть, во след обидное кричат,
Я повторю, Сорбонна – это яд.

Когда юнец, польстившись на учёность,
Придёт сюда, чтоб изучать законы,
Трактаты, правила, цитаты, языки,
То он и не заметит, между делом,
Как юность в нищете перегорела,
Как зрелость задохнулась от тоски.

Сорбонна – яд, здесь спорить бесполезно.
Пусть, тёмный век, как старый пёс облезлый
Бежит, пути Сорб боясь,
Но сколько тайн бы мы не открывали,
Во всяких знаньях всякие печали,
Во всяких душах золото и грязь...

Была бы мысль – найдутся и умы,
На всякий день найдётся именинник...
За душу грош заплатит старый циник -
Никто не выдаст выгодней цены...
Но вы на полцены обречены...

И, пусть, мой тон не нравится кому-то,
Я не Сократ, я не приму цикуты
В угоду тем, с кем спорить довелось.
Я не спешу увидеть асфодели,
Но все мои химеры постарели
Со мною вместе и со мною врозь.

В ком сила есть, тому достанет силы.
Век куртуазный поменял кумиров -
Теперь одни труверы говорят
О чести и любви к прекрасной даме,
А прочие не брезгают деньгами,
Чужое жнут, не поднимая взгляд.

И нет уже ни доблести, ни веры -
Одни велеречивые примеры
Природы всей или породы всей...
Со времени известного потопы
Здесь в каждой шлюхе дремлет Пенелопа,
А в каждом проходимце – Одиссей.

Стяжают все. Кто власти, кто любви,
Кто золота, а кто «святого духа».
И детский плач уже не режет слуха,
И боли нет, и рана не кровит...
О, если бог со мной заговорит...
О, если он со мной заговорит...

ТИШИНА ТОНКА КАК ЛЁД...

Тишина тонка как лёд,
чуть поскрипывают двери...
Я и верю, и не верю
в то, что всё произойдёт.

Будет ночь и будет день,
солнце встанет из-за шторы...
Пересуды, разговоры,
полутени на плетень...

Не роман, а так – глава.
Что-то нежно-неземное...
Не венчает нас с тобою
полусонная молва.

Что ж, пройдем и этот путь -
как известно, всё проходит.
Наше время на исходе...
Я запомню, ты – забудь.

ВОРОБЫШЕК

Не был я в этом городе, кто бы меня позвал,
Мне не вручал на холоде звёздочки генерал.
И самогон из горлышка, верите, я не пил,
Прыгал тогда воробышком, не напрягая сил.
Клювом царапал зёрнышки – бурые угольки,
Чёрными были пёрышки, красными ручейки.
Падали с неба отруби, липкий солёный снег,
Мёртвыми были голуби, ломаным – человек.
Раны не кровоточили, а источали боль,
Страх накануне ночи и... ночь, переправа, бой.
В небе стонали ангелы, нимбы летели в ад,
Если бы память набело, слёзы бы или мат.
Слёзы метели выпили... «Маленький, расскажи,
Плаха, верёвка, дыба ли, что она, наша жизнь?–
Бросил мне хлеба корочку,– Хочешь, не отвечай...»
Молча достал махорочку, сел, раскурил печаль.
Вкусная корка, твёрдая... думал всё время так:
Голуби – только мёртвые, пепел и полумрак,
Зёрнышки – только жжёные, красные ручейки,
Люди себя лишённые, холмики у реки!

Нет же, я не был... не был я, знаю, что это сон,
В памяти корка хлебная, курит и смотрит он,
Глаз голубые стёклышки с горюшком без любви...
Бьются в окно воробышки, глупые воробы...

ТРОЕ

В начале света под старой вежей
Сидели трое, друг другу внемля.
Делили на три слова и земли,
Глотали воду и воздух свежий.
Поодаль копыя точил Георгий,
Поил дракона вином плодовым.
Тащили бабы мужей в подолах -
Сгодятся после для месс и оргий.

Направо, к лесу, стекали жизни
Туда, где правда сильнее смерти.
Дрожало в небе отцово сердце,
На светлый подвиг толкая «слизней».
Под белым снегом пшеница прела,
Кричали дети, съезжая с горки.
Цвели кроваво кнуты для порки:
«Отдай нам, Маша, сыновье тело!»
Ревела Маша, роняя мирру,
Несла маслины святым пророкам...
Сидели трое к народу Богом.
Быть может, все явившись миру?

КУКУЛЬКАН

Май взошёл во мне, майя я.
Кукулькан я в Чичен-Ица,
Вольный ветер я, весь в отца,
Неприкаянный... ай-яй-яй!
Раз. Маринисто выбрит. Ишь!
Пенный бриз в ночи! Горд и пьян.
Джаз на клавишах, фортепьян...
Фортепьянист я и бесстыж.
Два. Задиристо скручен в сталь,
Разбракован отрядом свах.
Степнокрылый горячий птах
Мой сподручный в законах стай.
Три. Оскаленный рыбий брат
Стережёт для меня моря...
Льдом – окалиной января,
Спелой бурей мы вздыбим ад.
Небо свесится с крыши к нам,
Звёзд весну соберёт с лица.
Кукулькан я в Чичен-Ица,
Нет здесь времени. Слышишь, мам?..

РОССИЯ. 1991 ГОД

Я не люблю распада после смерти.
И если вам сказали, что ОНА
Уже мертва. Вы никому не верьте.
Она лишь спит, но встанет ото сна.

Её наркотиками просто искололи.
И просто напоили допьяна.
ОНА не чувствует пока стыда и боли.
ОНА ведь спит. Но встанет ото сна.

Из тьмы веков сильна и величава:
И синий взор и волос цвета льна,
И затаенно—независимого нрава,
Как спящая красавица ОНА.

Кто «гоп» сказал – слегка поторопился
И скоро убедится в том сполна.
Сейчас кошмарный сон лишь ей приснился,
Но вот когда уж встанет ото сна,

То не завидую я показному другу.
ОНА поставит крепко в лоб печать,
Чтоб память не забыла долго вьюгу!
И научился, чтоб язык молчать.

Чтоб сто имён ЕЙ в спешке не давали,
А помнили единое одно.
И даже близко нос свой не совали
Там, где едва—едва звучит оно.

* * *

Из Смоленских князей родом Мусорга был
И оставил в наследство потомкам
Землю ту, что душой беспредельно любил,
И напев псковских песен негромкий.

Тот негромкий напев зазвучит в сотнях мест,
Знаменитой фамилия будет,
Потому что появится мальчик Модест
И гулянья крестьян не забудет.

Сказки няни своей воплотит в звуках он,
И в глубинах культуры народной
Он услышит в гармониях радость и стон
Жизни трудной и жизни свободной.

И картинки у Гартмана вдруг оживут,
Обретя музыкальные краски,
А на сцену с царями холопы взойдут,
И Юродивый снимет с них маски.

И пусть критики все в один голос твердят –
Параллельные квинты не к месту!
У народных попевок был принцип сей взят,
А присущ стал он только Модесту.

Если б Мусорга знал это всё наперёд,
То не предками он бы гордился,
А потомком своим, пред которым народ
До земли от души поклонился.

СЛАВЬСЯ РУСЬ СВЯТАЯ

Хорошо разгуляться по свету
Свежий воздух морской, Херсонес...
Князь Владимир крещён землёй этой.
Разнеслась по Руси Божья весть.

Восхищаюсь простором России,
Изобильем её церквей.
Загорелась звезда в небе синем
С нею тысячи звёздных огней.

Здесь трава изумрудного цвета,
Да и солнышко, как «Апельсин».
Мать Россия в наряды одета
Да и я, её блудный сын

Колешу, по белому свету
Красотой восхищаюсь окрест.
Звон малиновый на, всю планету
Посылает любовь до небес.

Широка, наша матушка – Волга
И бескрайний отец – Енисей.
Всю Россию объять невозможно,
А возможно быть рядышком с ней.

Я, гляжу на Кремлёвские башни,
Купола, златоглавых церквей.
Нам нельзя забывать день вчерашний
И победы сегодняшних дней.

Мы творцы, созидатели мира.
Пусть так будет во все времена.
Песнь нам дарит Великая Лира.
Славься Русь!– ты нам Богом дана.

КО ДНЮ ПОБЕДЫ

В серванте старом фронтовой конверт.
С войны письмо всегда о самом главном.
Пусть сегодня праздничный концерт,
Наверное, не нужен ветеранам...

Почтила память каждого земля:
Ромашками и клевером укрыла
Бескрайние российские поля,
Ненайденные братские могилы.

Здесь каждый год девятый майский день,
День Памяти о подвигах и чести,
О битвах за спасенье деревень
И городов, оставшихся на месте.

И потому нам дорого вдвойне
В домах услышать ароматы сдобы
И песни о Победе в тишине
Желанной, отвоеванной, особой.

* * *

*По мотивам повести Бориса Лавренева
«Сорок первый»*

Красно-белое время кистью
Проходилось по каждому.
В битву двух безусловных истин
Что-то кануло важное.

Никакие войны и битвы
За мифическое (благое ли?)
Крови брата, отца, пролитой
Даже капли не стоили!

И когда за вождями своими
Вновь отправимся толпами,
Станем номер носить, не имя
И не будем особыми.

Будут вновь накрывать нас глади
И проглатывать пропасти,
Если наши сердца не сладят
Со своею жестокостью.

А задуматься бы на минутку,
Вспомнить время то скверное...
Как рыдала снайпер Марютка
Над врагом сорок первым!

БЕЛОЙ АРМИИ

Ветры тихо плакали и души не грели...
Уплывали вечером, не было светло,
Лишь погоны звездами на плечах горели
Памятью о времени, что теперь ушло.

Памятью о Родине, днях под небом чистым,
Облаке-черемухе над страной лугов,
Только стало облако красным, кровавистым,
Словно смерть червонная, словно цвет врагов.

Но недолго высь грустит ветрами сырыми:
На заре и вечером красный небосвод,
А потом – меняется... вечное не примет
Тех, кто променял его... променял на год.

Уходили белые, вдаль смотрели часто,
Туча над равнинами почернела вдруг,
Словно в черном трауре по стране несчастной
Было всё, что видится, всё, что есть вокруг.

Ведь хлебнула Родина лютую отраву
И себя изрезала... болью по лугам
Кровь и слезы капали... но не вечен траур –
Знали уплывавшие к дальним берегам.

И неправда кончится, и утихнут стоны,
И виднелись издали, обнимая склон,
Облака со звездами – будто бы погоны
На шинели вечности, на плечах времен.

1917

Февраль семнадцатого года,
Ветра и колокольный звон.
Не святы больше для народа
Ни царь, ни скипетр, ни трон.
Алеют пятнами петлицы,
Предвестницы кровавых рек...
Октябрь исказит нам лица
Гримасою, почти на век!

1918

Страшнее не было утраты,
Но очевидно вышел срок.
Все мы той армии солдаты,
Все мы шагнули за порог.

И нам, в бою неискушённым,
Кому кресты, кому кресты,
Войною той душелишённым,
Придёт пора сжигать мосты.

И рукописи, и наветы
Всё прогорит. А берег тот
Небрежно примет эполеты
И солнце больше не взойдёт.

1921

Кричала ворона: «Кар-р-ратели!»
И потная шея коня
Парила. Патронов не тратили,
Клинками рубили, вина.

Свинцовые тучи пластинами,
Кронштадт (двадцать первый, нисан)
Затянут стальной паутиною
И ордер на смерть выписан.

Я в небо, глазами незрячими
Упёрся. Подковы звеня,
Мизерную цену назначили
И первым купили меня.

СТАРАЯ ФОТОГРАФИЯ

Тропинка тянется к амбару,
Кружится снег над головой,
Царь с цесаревичем на пару
Стоят с двуручную пилой.

Папахи сдвинуты к затылку,
Дыханий вверх идёт парок,
И льются ниточкой опилки
То на шинель, то на сапог.

Снежок наивно, тихо кружит,
Как тень бывшего естества,
Другой огонь отныне нужен,
Другие надобны дрова.

Пружина выскочила, дрогнув,
В смешенье стран, народов, войск.
Пила рвёт мёрзлые волокна.

Ещё зима...
Уже – Тобольск...

НОВЫЙ ГОД В НОВОРОССИИ

От нытья немного толку.
Всё известно наперёд:
И в окопе ёлка – ёлка,
Новый год – он Новый год.

Никаких игрушек нету.
Ничего. Для куражу
Боевую нашу ленту
Сверху ёлке повяжу.

Нацеплю кольцо лимонки,
Из разгрузки оборот...
Крикну в небо из воронки:
«Здравствуй, что ли, Новый год!»

Переможем силу вражью.
И подарки – не вопрос.
Вот ползёт с бидоном каши
Старшина, наш Дед Мороз.

Что на мир коситься волком,
Хоть и будет скоро бой?!
И в окопе ёлка – ёлка.
Пахнет чудом и смолой...

* * *

Памяти Олеся Бузины

Идёт с талантом, совестью и разумом война,
Стреляют в спину, по-шакальи подло.
Страшной фашистских не бывают времена
В истории народов.

Когда поэта бьют из-за угла –
Захватывает дух поэтов остальных.
Пространство общее – добра и даже зла –
Объединяет их.

Пространство общее – в нём ни границ, ни виз.
В нём зачарованно – порой – парят их души.
Не только – вверх, но и, бывает, – вниз.
Послушай!..

Послушай этот свист за тыщи миль –
Свист пуль, свист ветра страшных перемен.
...Какие могут распознать умы
Сезон измен?

* * *

«Без вести» – значит «жив».
Не похоронка же!
«Без вести» – значит жди,
Тепли надежду в душе.

«Без вести» – значит «мёртв».
Сколько минуло лет!
Был бы живой – пришёл б,
А так – и надежды нет.

Ветер военный стих
Десятилетия назад.
«Без вести» – значит, жив
В памяти и в сердцах.

ВЕЛИКИЕ ЛУКИ

Мне б, наверно, сойти с ума,
Если б не эти улицы,
Где в потёмках дремлют дома,
Где туманное небо волнуется.
Мне б без города в сумасшествие
Лишь один нужно сделать шаг,
По дорогам его брошусь в бегство я,
Разбросав в переулки мрак.
Задохнётся асфальтной пылью
Город осени и ночей,
Город родины, сердцу милый,
Где я, будто бы ветер – ничей.
Без прогулки по парку вечернему,
Без сиянья речных фонарей,
Что горят как на тайном вечере,
Я давно бы уж стала слабей.
Держит город открытою бездну,
А над бездною душу мою,
Если я перееду, исчезну,
То, наверное, не проживу.
Здесь мой воздух, моё состояние,
Здесь знакомые слышатся звуки,
Стало зренья острее осязание,
Город славы – Великие Луки!

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО

Меня убьют сегодня, мама,
Я знаю: на краю на том,
Уж в магазин суют упрямо,
Мне предназначенный патрон.

Не бойся, больно мне не будет,
Всего мгновение огня,
А после – сотня грамм в посуде,
Горбушка хлеба для меня.

Дождь барабанит этой ночью,
Опять пришла весна-красна...
Кто ж виноват, что Вашему сыночку,
На долю выпала война...

Бестрепетно переступлю порог,
Ещё волнуясь и любя,
Жаль только: до конца не смог,
Вас защитить и сохранить себя.

Ты не напишешь мне ответ,
Но ждать ты будешь всё равно.
А я сегодня передам привет
Отцу, погибшему давно.

Я не скажу тебе «Не плачь»,
К чему напрасные слова.
Но будет проклят мой палач,
Его сюда никто не звал!

Вот настаёт рассветный час,
Поднимут нас в атаку рано.
Перекрести в последний раз:
Меня убьют сегодня, мама...

Я ВОСКРЕСНУ НАВЕЧНО

Пыль и гарь в перелесках,
Стон и плачь запредельны,
Меня убили под Брестом,
А воскрес я под Ельней.

Там в атаке недельной,
В свисте пуль и снаряжном вое,
Вновь убили под Ельней,
А воскрес под Москвою.

В чистом поле лежали,
Сразу после Парада,
Пуля в сердце попала,
И воскрес в Сталинграде.

Враг уже пошатнулся:
Били крепко, по-русски!
Только вдруг я споткнулся...
И воскрес уж под Курском.

Там под танк в ковылях
Я с гранатой метнулся,
И, пройдя смертный шлях,
Я воскрес под Бобруйском.

И опять грохот взрывов,
И израненный лес,
Я в каком-то порыве
Под Варшавой воскрес.

Да, война бессердечна,
Не одарит периной.
Но воскрес я навечно
У рейхстага, в Берлине!

ВЕСНА СОРОК ПЯТОГО

*Посвящается моему отцу Емельянову Павлу
Емельяновичу уроженцу д. Бальтино, Псковской
обл.*

Конец зимы, год сорок пятый,
тяжёлый день, жестокий бой,
теснят противника ребята
и каждый воин здесь – герой.

В тылу коротенькие сводки,
там дом родимый мира ждет.
Рубеж штурмуют самоходки
и мой отец в строю идет.
И замолчала вражья пушка –
сравнил ее с землей солдат,
чтоб под Опочкой в деревушке
жилося счастливей во сто крат.

В лесу надежда на спасенье,
ушли в землянки все, кто смог,
дал кров и силы и терпенье
природы псковской уголок.
Враг избегал болот, трясины,
фашисты в хатах, в крайней – врач,
разбитый храм стоит в руинах,
в молитве тихой – скорбь и плачь.

Следы атак, былых сражений,
рубцы и шрамы от свинца,
и боль потерь тех поколений
тревожит память и сердца.

Пусть никогда на белом свете
не повторится та война,
для созиданья на планете
пришла победная весна.

КУПНО ЗА ЕДИНО

«Всем русичам жить в одно сердце!» –
за правду князь Невский стоял,
политик и воин в соседстве,
где зло, где добро отличал.

Дружины на поле открытом,
сжимает копье Пересвет,
за Русь, Куликовская битва,
Донского достойный ответ.

Глубинная мощь восставала –
крута, неприступна, как вал!
И ярость атак бушевала,
и молнии меч высекал.

Не спорили с Грозным Иваном,
дрались за идеи Петра,
в походах былых неустанно,
победно гремело «Ура!»

Ключа от столицы не дали,
растаял в снегу пришлый след
штыком Бородинской батальи,
пронзен козырной эполет.

Не раз над привольной Россией
багрово пылала заря,
и смута и голод косили,
с престола свергали царя.

Но «купно» в веках, «за едино»,
Отечеству доля дана,
ее исповедовал Минин
и с ней возрождалась страна!

ОН УШЕЛ РЯДОВЫМ

Он ушел рядовым, по гражданскому долгу.
Призывал их на сборы весной военком.
Он ушел. Поклонившись родному порогу.
И оставивши мать утираться платком.

Он был лучшим в учебке, освоил вертушку,
В марш-бросках позабыл даже вкус сигарет.
А потом, как набат, – назначение – Кушка.
Только матери тихо сказал он: Ташкент.

Писем не было. Плакала дома девчушка.
Не стихал в сердце матери скорбный набат...
Друга взял с перевалочным ночью – на Кушку.
А его перебросили в Джеллалабад...

Рвалось матери сердце. Ей не было ночи.
И под солнцем весенним ей не было дня.
И дрожала рука, когда встретится с почтой.
И смотрела подолгу, но мимо меня.

Дни текли, ожиданьем рождая столетья.
Летний ветер ей только тревогу раздул.
И звучало сквозь вздохи друзей – междометьем,
Страшным эхом – сквозь новости – слово «Кабул».

Год прошёл. Все ей снилась в руке похоронка.
И теряла сознание не два, и не раз.
Дожила. Достарела...Дождалась ребенка.
Он ответил ей скромно: – Подписан приказ.

Не сумев отойти от родного порога,
Мать присела на нем, опустев в тишине.
Он вернулся, осилив тех странствий дорогу.
Он пришел, но остался душой на войне...

И застыла река, обессилевши плакать.
И в ущелье повисла навек тишина.
А девчонке весь век фотографии прятать...
Так кого защищала в Афгане война?

ПРИМИ МЕНЯ, ПИТЕР...

Я помню, как в детстве с тобой повстречались,
Как чинно века на Дворцовой венчались.
Лик улиц твоих – полотно драматурга,
В граните Невы – дух живой Петербурга.

Теперь не до странствий, как в юности прежде,
Красою твоей восхищаюсь все реже.
Мосты и проспекты – преданий отрада.
Прими меня, Питер, во сны Ленинграда.

Так много вопросов и мало ответов,
Приеду к тебе этим северным летом
Сдавать результаты своих аттестаций.
А дочь моя хочет с тобою остаться...

Что чтут вензеля в парапетах чугунных?
И чем вдохновляешь ты девушек юных?
Быть может, устои твои слишком строги?
Прими меня, Питер, в свои недотроги.

Ну что мне твои величавые шпилы,
Промозглые ветры и редкие штили?
Зачем мне воспетые белые ночи,
Зачем ты любимым мне сделаться хочешь?

Мне шире Невы – моя тихая Ловать.
И камни древнее, что можно потрогать.
Мне край мой милее твоих монументов...
Прими меня, Питер в свои диссиденты.

А, может и станем с тобою друзьями?
Раскроешь секреты о северной драме.
Расскажешь о мыслях былых, петроградских,
И вспомнишь о судьбах своих. Ленинградских.

И будешь ты долго терпеть мои муки,
Тобой восхищаясь, терплю за разлуки.
На марке почтовой – заливы Кронштадта...
Прими меня, Питер, в свои адресаты.

ГОРОДУ НА НЕВЕ И ВЕРЕ ПАУДАНЕН

Буду громко смеяться и песни орать,
Беспардонно пугая случайных прохожих,
Город свой на Неве вспоминая опять,
И кричать, что на финку совсем не похожа.

Снова буду короткие юбки носить,
Буду настежь распахивать финские двери,
Демонстрируя всем петербургскую прыть
И в безумное искренне-искренно веря.

Чтобы голос мой здесь не совсем онемел,
Я на счастье опять разбиваю посуду.
И хоть русский мой дух до краев офинел,
Но я русской была и пожизненно буду!

УЗОР НЕВЫ

Узор Невы под спицами дождя,
И свято место – без меня – пустое.
Там оглянуться можно уходя,
Но возвращаться все-таки не стоит.

То, что держало, затянув петлю
На сердце, обрекая на бескрылость,
Познав минор и ветхость «не люблю»
Над бездной бесконечностью раскрылось.

И синева взломала синеву,
Вражду перетопив на совместимость.
И место, где мечтаю и живу,
Наполненное мною освяtilось...

РОССИЯ

Ольхой заросшие могилы,
Давно к ним выбраться нет сил...
Я об одном всегда просила,
О чем любой бы попросил.

Любой, живущий за границей,
Очерченной как на войне,
Который смог уже смириться
С привычной болью в глубине.

Я об одном тебя просила:
Остаться честно со мной.
Простое, горькое «Россия»...
И вздох застыл, и свет – стеной.

* * *

*Я готов рассказать тебе поле»
С.Есенин*

Я хочу подарить тебе нежность
В нашем доме на смятой постели,
Там, где общей судьбы неизбежность
И минуты текут еле-еле
В восковую прохладу метели.

Я хочу станцевать с тобой танго
На хрустящем дрожанье капели,
Чтобы, птиц распугав спозаранку,
Мы с тобой на два голоса спели.

Я хочу рисовать тебе радость
Тишиной на мольберте заката,
Чтобы снова почувствовать сладость
Летних ливней ночного стаккато,
Позабывтого нами когда-то.

Я хочу разделить с тобой осень,
Все, чем счастлива я и богата,
Чтоб однажды, сомненья отбросив,
Взять билет в нашу вечность без даты.

ОБЕЩАНИЕ

*Я буду любить тебя все лето», – это звучит куда
убедительней, чем «всю жизнь» и – главное – куда дольше!
Марина Цветаева*

В середине июня в четыре утра не горят фонари
И естественность улиц, деревьев и лиц выступает наружу.
Я не буду жалеть о своей не ушедшей недужной любви,
Обещанья о лете тебе ни за что не нарушу.

Все останется жить в моей памяти: запах и звук,
Светотень на стекле и желание быть и мечтать,
Осязанье волос и одежд, крепко сцепленных рук.

Ты на сердце свое положи меня, как печать.

КАРТЫ

одинакового цвета
тени рыб плывут по стенам
среди кактусов и фуксий
вдоль по карте на стене

не по правилам течений
проплывают океаны
взламывая льды мелькают
на обоих полюсах

ограничены водою
ограничены землею
рыбы даже не мечтают
оказаться в небесах

сменим океан на небо
острова с материками
на мозаику из созвездий
из галактик и планет

одинакового цвета
тени рыб летят по небу
по теченью звездной пыли
вдоль по карте на стене

ВСТРЕЧА

*Увидеть тебя и видеть,
и видеть тебя, и видеть,
и видеть, и вдруг решиться
поднять на тебя глаза...
Вера Павлова*

Не смея поднять взгляда
считать со-при-кос-новенья,
не в тему шутить
и казаться совсем не собой.

За-печат-левать детали:
большие листья каштанов,
медведи с аттракционов,
совсем незнакомый мост,

не-настоящие лодки,
жемчужные гроздья жасмина,
безлюдные улицы города
в последний июньский дождь.

Я в память врезаю твой профиль,
потертые узкие джинсы,
фото-графичные позы,
глаза, смотрящие вверх.

И не поднимая взгляда,
смотрю на тебя и снова,
и тысячу раз снова
я становлюсь другой:

покой разрывая на части,
меня пленяют фатально
твой прищур, твой смех, твои руки.
Мой воздух пахнет –
Тобой.

РУСЬ РЯЗАНСКАЯ

За валом – обрушенный вал,
Вздымается Северный мыс,
Заброшен ненужный причал,
Тропа обрывается вниз.

Валун, как могильный, лежит,
Как память ушедших времён,
Где кости земля сторожит
Не помня ни слов, ни имён

Защитников русской земли
Заносчивых гордых славян.
Они победить не смогли...
Был город – остался бурьян.

Но всё повторяется – вновь
На Русь наступает Орда
Злой карой за братскую кровь
И снова падут города,

Обманутый сгинет народ...
Пророчить об этом страшусь
И молча гляжу – каждый год
В бурьян обращается Русь...

РУСЬ МОЯ СВЕТЛАЯ

Русь моя светлая.
Песня печальная.
Здесь ли мне сетовать,
Выть от отчаянья.

Так же прекрасна ты,
Как и в столетиях,
Русь моя ясная.
Предков наследие

Кровью оплачено,
Мы ж не хозяева
В землях утраченных...
Русское зарево

Видят немногие,
Тьма надвигается
Всеми дорогами.
Долго ли маяться

Нам неприкаянным
Русским завещано?
В давних преданиях
Русь моя Вечная.

НОЧНЫЕ РОССЫ

Ночными россами
В траву поляжем.
Кровавой россыпью
Войдем в пейзажи.

Пришли последними –
Уйдем красиво.
Запомни бледными
Ты нас Россия.

Как предки-арии
Огни подбросим
В ночное зарево,
Глотая осень.

К пирам готовые,
Мы ждем невесту,
А гимны в новую
Скуем Авесту,

Гостей попотчuem
Да ляжем сами.
Рось наша отчая
Светлее станет,

Не опечалится
Прощанья слезами.
Мы с ней останемся
Ночными россами.

* *Авеста (Весть)* священная книга ираноязычных ариев, которые стали предками скифов и сарматов, а сарматские корни киевских полян доказаны советскими и российскими антропологами и генетиками.

* * *

Ты живи века, Русь родимая,
пусть хранит тебя Богородица!
Коль придёт беда – до единого
встанем за тебя мы, как водится.

Русь былинная, Русь старинная,
Русь красивая, несуетная,
ты – народами стоедина
и любовь к тебе – беззаветная!

* * *

Детства край изумрудно-клеверный,
там пахучи и ласковы травы,
там озёра раскинулись веерно,
между ними – холмы да дубравы;

там калинов закат и брусничен рассвет,
светозарна лазурь у небес и озёр!
...Каждый день ты мне снишься, уже много лет -
значит сердце у сна моего режиссёр.

* * *

*На Троицу возвращались с кладбищ на телегах,
с песнями, наперегонки...
(Мои детские воспоминания)*

Память детская, цепкая помнит
Бег коней, что спешили домой.
Ох, неслись по просёлочной кони!
Колокольчик звенел под дугой.

Вились ленты, вплетённые в гривы.
Из– под частых копыт – пыль столбом!
А навстречу бежали нам ивы,
Без дорог, напрямки, босиком.

За телегой телеги летели,
Норовил всяк других обогнать.
И высокие песни звенели,
Уж давно здесь таких не слышать.

Далеко унеслись кони детства...
Но, от гонки той, давней, домой -
Никуда, никуда мне не деться;
Колокольчик звенит под дугой!

* * *

Даль моя дальняя, боль моя тихая...
Заросли тальника, кочки с брусникою.
Церкви да кладбища, фрески с подтопами.
Древние капища с волчьими тропами.
Ели да сосенки, паводки, лёдники...
Хроменький, косенький – Царства наследники.
Душенька кроткая – прямо на небушко!
Дарит без ропота вербушки вербочка.
Междоусобицы, вдовы да старицы...
Кимры да Толбицы жительствою славятся.
Речка туманная, месяц над кровлею.
Кашинской Анною образ намоленный.
Плач покаяния, свет воскресения.
Тихое, тайное крестонесение.
Ямки да камушки, печки с дымочками.
Все мы для Матушки дочки с сыночками.
Свечи пасхальные, солнце весеннее...
Даль моя дальняя, путь мой к спасению.

* * *

Родина моя, в часы печали
Я гляжу, как плавно над рекой
Голубыми вёслами качает
Среднерусский девственный покой!

Спит река, объятая прохладой,
Видят рыбы сны на глубине.
В тяжкий час душевного разлада
Тишиной лечиться надо мне.

Над речным туманом, над осокой
Чуть дрожит рубцовская звезда,
Так поэта вечер одинокий
В слове отразился навсегда.

Отчего-то странно тянут душу
Огоньки знакомых деревень,
Здесь поют на майские «Катюшу»
И с гармонью бродят целый день.

А когда засвищут в ночь Победы
Пойменные асы соловьи,
На побывку с неба, до обедни,
Отпускают воинов к своим.

Мужики хлебнут из мятой кружки –
Поминать убитых – не впервой!
И всплакнут, как водится, старушки,
Затянув «Платочек голубой».

Вот и мне, стоящей у осоки
На мостках в желанной тишине,
На душе уже не одиноко,
Только страшно думать о войне...

РАССКАЖИ МНЕ, МАМА, О ВОЙНЕ

Расскажи мне, мама, о войне
Как солдаты наши отступали,
Становилась жизнь еще страшней,
Как детей в концлагерь угоняли.

Расскажи мне, мама, о войне
Как народ фашисты утрашали,
Кто сопротивлялся, тех вдвойне
Вешали, стреляли и сжигали.

Расскажи мне, мама, о войне
Как сестру в Германию угнали,
Как не знали ничего о ней,
И лишь через тридцать лет узнали.

Расскажи мне, мама, о войне
Как фашисты спешно все бросали,
Наши наступали все мощней,
И как о победе услышали.

Как отец с победою пришел,
Как вы голодали и как ждали,
Как он горькую судьбу нашел,
И за колоски батяню расстреляли.

Как за колоски сидела мать:
Семь лет срока ей за это дали.
Только, силу духа не сломать,
В жизни мирной унесли печали.

Ты не думай, мама, о войне,
Это гром гремит сейчас в эфире,
Песня жизни льется все сильней,
Надо просто думать всем о мире.

РОССИЙСКИЕ НАЗВАНИЯ

Российские названия
Душевной красоты,
А сколько в них страдания,
Сердечной теплоты.

Мелькают, словно вехи
Моих поездок, лет,
Лишь не было б помехи,
Струился б жизни свет.

Алочь, Опочка, Невель,
Пушево, Кисели,
Ореховно и Гривы -
То псковской все земли.

Матюшкино, Череха
И Мякишево есть,
Клиново, Усть-Долыссы,
А всех не перечечь.

Местечки те как люди
С характером своим,
Что завтра с ними будет,
То знает Бог один.

ГРАДУ ИЗБРАННОМУ

*Город Изборск стоит на Словенских ключах
(Из древнего описания русских земель)*

Град Изборск, что стоит на Словенских ключах,
Синим ветром простора объят и обласкан.
И столетья идут, превращаются в прах,
но над избранным городом ход их не властен...
Город-крепость живёт сотни праведных лет
на Жеравьей горе... Собиралось здесь войско,
чтобы русского мира немеркнувший свет
согрывал нашу гордость за предков геройство...
И погибший в бою Юрий – ратник и князь,
и святой Александр, несгибаемый Невский, -
им одна на Руси неизбывная власть,
им одно на Руси предназначено действие:
защищать от врагов и предателей Русь,
города и детей, стариков и любимых...
И над градом Изборском смыкается грусть,
и восходит трава на могилах родимых...
Но не выбрал Изборск ни тоску, ни печаль!
Здесь из камня построил Шелога посадник
неприступную крепость... В Словенскую даль
с главной башни смотрел он... Озёрные глади
отражали небес необъятную высь,
и ветра уносились в Словенские сины...
Так в Словенские струи столетья вплелись.
Выбрал участь Изборск – честь и славу России.

ПОСЛАНИЕ СВЕТА

На берегу реки Великой
Явились Ольге три луча.
Увидеть в свете Божьи лики...
Узнать, как вера горяча...
Надеждой согревает душу,
И не даёт беде разрушить
Твою семью, и мир, и дом...
Так Бог в величии своём
Представил веры воплощенья:
Отец, и Сын, и Дух Святой --
Лучи сияли красотой ...
В то незабвенное мгновенье
Решила Ольга: «Будет храм!...»
Великое посланье – нам...

И Троицы Живоначальной
Поднялся к небу светлый храм,
Поддержкой в трудах всех печальных,
Почином праведным делам...
Пред храмом собиралось вече,
Народные звучали речи...
Здесь призывал Довмонт святой
За родину на правый бой:
В сраженье вёл свою дружину:
«Братие мужи, все вперёд
Пойдём за Троицу едину,
Святую, нашу». Шёл народ!

Векам лучи не погасить,
Посланье Божье будет жить

ПСКОВ

Старинный вольный Плесков,
А ныне – город Псков.
Достойно, ярко, веско
Прошёл сквозь толщъ веков.

Судьба всегда хранила
Твою красу и статью.
Отвага града, сила
Могли и фору дать.

Народное правление
Да вечевой уклад –
Вот мудрое решение
Преодолеть разлад.

И этим город славился,
Республику держал.
Не каялся, не маялся,
А жил и побеждал.

Купцы его и воины
Со всех концов земли,
По-русски были скроены,
Да Плесков берегли.

Заветы они чтили
Глубокой старины.
А за обиды били
Врагов родной страны.

Разросся славный город
На берегах реки.
К нему и стар, и молод
Свои вели лады.

Для этого был повод.
В летний зной и жар,
И даже в зимний холод
Сюда везли товар.

Событья шли и годы
У берегов Псковы,
И Пскова воеводы
Признали власть Москвы.

А колокол, хранивший
Вечевой уклад
Был с башни снят. Стал лишний
Его призыв, набат.

Здесь отличился некий
Римлянки сынок,
Князь Василий Третий
«Снять колокол!» – изрёк.

С вольницей расстался
Красивый русский град,
Но, как форпост, остался
Западных оград.

Народное правление
Прервалось на века.
Здесь автор сожаление
Выскажет пока.

Республику и вече
Уж больше не вернуть...
Но славою отмечен
Дальнейший Пскова путь.

Надёжно, бескорыстно
России Ты служил
Без лишних там изысков.
Да честью дорожил.

Хоть в пасынках держали
Московские цари,
В народе признавали
Красой Всея Руси.

И, обращаясь к Пскову,
Хочется сказать:
Ты русскую основу
Сумел нам передать.

Не стоит сомневаться,
История Твоя
Поможет разобраться
В устройстве бытия.

Народное правление
Да вечевой уклад
Осуществят стремление
Преодолеть разлад.

А колокол на башне,
Что звал на бой, на труд,
Такой же, как и раньше,
Умельцы отольют.

Спасибо, древний Плесков!
Спасибо, город Псков!
То скажем твёрдо, веско,
И помянём дедов

ФОТО СОЛДАТА

Твое фото (последнее) в комнате
В старой рамке на стенке висит.
Вот таким я тебя и запомнила:
Молодым, чуть суровым на вид.

Ты пришел – гимнастөрочка новая:
«Я зачислен в пятнадцатый взвод.
Вместе с Лешкой и Пашкой Григорьевым
Я иду добровольцем на фронт»

И еще говорил, чтоб не плакали,
И что завтра уже эшелон...
А потом треугольники мятые
Маме стал приносить почтальон.

А в последнем письме, с похоронкою,
Командир это фото прислал
И медаль за победу под Волховом,
Где твой взвод год назад воевал.

Мы живым тебя больше не видели.
Только фото глядит со стены
Ясным взглядом, не знающим гибели,
Из далекой и страшной войны.

ВЯЗЕМСКИЙ КОТЁЛ

Нет ,не погибло ополчение народное ,
В котле под Вязьмой, вражеском огне,
Всегда нам светят звёзды с небосвода ,
Бессмертный полк шагает по стране!

Живой оркестр шагает по просторам,
Лугам цветущим матушки –земли,
Все ополченцы подпевают хором,
Звучат стихи и песни о любви!

Поэты , музыканты и артисты ,
Не сломлен дух высокий боевой ,
Художники , рабочие, танкисты,
Высокий дух страны и щит живой.

Оружье их: мольберты, перья , кисти,
Смычки , оркестры , вдохновенья взмах,
Полёт любви высокой , пламень мысли,
Бойтся света , снова в маске враг...

Живёт в веках их подвиг незабвенный,
Их дух высокий светит всем во мгле,
Они куют духовный меч нетленный
Во имя мира на родной земле...

Враги войну, конечно, проиграли,
Пришёл черёд за всё им отвечать,
Так много на земле поубивали,
Так звёзды в небесах не сосчитать!

Пусть спят спокойно дети на планете,
Так ярко светят звёздочки во мгле...
Бессмертный полк затмил всю ложь на свете,
Во имя мира, жизни на земле.

ВЯЗЬМА

Как богатырь, стоишь ты , Вязьма,
У сердца Родины моей,
Здесь навсегда враги увязли,
Как грешники, в чужой земле.

Твои сады, дома и парки
И золотые купола
Огнём и порохом пропахли,
Чтоб ты , красавица, цвела!

В садах твоих цветут тюльпаны,
Взахлёб соловушки поют,
Встаёшь ты, труженица, рано,
А говорят, Бог любит труд!

Цвети и пой , невзгод не зная,
Чтоб все любить тебя могли...
Как мать родную, охраняют
Тебя надёжные орлы!

ПСКОВСКАЯ ЗЕМЛЯ

О, сколько минуло веков,
Когда сия земля родилась!
Ты, Русь, спасала от врагов.
И не на жизнь, а на смерть билась!

Порою крепость не спасала:
И эту землю враг топтал...
Ты не сходила с пьедестала,
Здесь много крови он терял.

Ты из варяг шагнула в греки,
Святая древняя земля...
С тобою связана навеки
Судьба нелегкая моя!

В необозримых псковских далях
Границы Родины моей.
Былины, песни здесь слагали
Про витязей и богатырей!

В этом царстве Берендея,
В краю сверкающих озер
Жила, мечту, свою лелея,
Очей хранила ясный взор.

Была и мудрою, и нежной,
Несла нелегкий крест земной,
Поэта Музою мятежной
Под яркой, северной звездой!

Обычаи хранила, даты,
Лихие помня времена.
Твои бессмертные солдаты
Навек на страже у Кремля!

ИЗБОРСК

Эта местность, конечно, святая!
Куда взгляд свой не брось:
Озера от края до края,
Серебро белоствольных берез.

Песню свою распевают ключи,
Манят журчаньем студеной вод.
Прислушайся ты, и помолчи:
Древность веков перекличку ведет.

Стены Изборска тайны хранят.
В них ты проникнуть сумей!
Крепости строгий башенный ряд
Помнят врагов и друзей.

Необозрима широкая даль...
Хочется к небу подняться.
И легкая грусть и печаль:
С городом трудно расстаться.

Неприступность стен вековечных.
Пусть же враг не нарушит покой!
В хороводе дней быстротечных
Будет город всегда живой!

ИЗБОРСКАЯ МЕЛОДИЯ

Дороги покрыла жижа:
Шли ливни четыре дня.
С дозорной площадки вижу:
Ты вышел седлать коня.

Была до утра пирушка,
Но ехать уже пора...
С котомками побирušки
Стоят посреди двора.

Сегодня к тебе посыльный
Примчался в такую рань:
Батый собирает силы,
Чтоб двинуться на Рязань.

Пора протрезветь повесам!
Твой пристальный взгляд ловлю...
Кружится журавль над лесом:
Прощается к октябрю.

Со стужи сладка рябина.
Не надо прощальных слов.
Я еду с тобой, любимый:
Заранее конь готов.

ИЗБОРСКИЕ РАСКОПКИ

Со всех сторон на крутояр
Тропинок сходится плетенье
Под синий камень, полный чар
Языческого поклоненья.

За камнем – храм монастыря;
А над рассветною долиной
Два белых лебедя парят.
Великолепен вид былинный.

Скрывают травы и цветы
Следы жестокой обороны.
Как змей-горынычей хребты –
Тумана двигаются волны.

Он весь лучами посечен:
Взлетают клочья заревые –
Как будто рублены мечом
Прозрачно-розовые выи.

В Змеиной балке бьет ручей,
Зовя во глубь веков напевно
Искать родимую купель –
Мифологическую древность.

Я ВЛЮБЛЕНА В ИЗБОРСК

В изборском поле землянику рвать,
в ключах словенских ноги промочить,
стрелять из арбалета по мишени...
Увидеть холм штурмующую рать,
себя от дисциплины отучить
и очевидных взвешенных решений...

Коснуться стен истории самой,
когда ковали скобы скобари,
купить платок, расшитый петухами...
Уснуть в автобусе, летящем в смоль,
и сердце убаюкать – до зари...
Душа согреется и прорастет стихами.

II

Оковы будних дней преодолимы,
но не для всех, увы!
Порой с трудом до взлёта распалим мы
инертные умы.
Но если распалим, то новым утром
нас примет рай земной,
где яблоневый сад, и в камне мудром
история стеной
встает лицом к лицу, взрывает время,
реальная уже,
и порождает мир, таивший бремя
поэзии в душе.
И словенским ключом открыты ставни:
лети, стихов отряд!
Избраницей Изборска муза станет
который год подряд.
Готовит снова он ключи и стены,
для арбалета воск.
Однажды, навсегда и незабвенно
я влюблена в Изборск!

МОЙ ДОМ

Мой дом стоит на острие веков,
На гребне закружившейся планеты.
Корнями держит холм, цепляет ров,
А окна за собором ждут рассветы.

Я здесь тревожно сплю – пласты времен
Скользят к реке, сдвигаются и давят.
Под этой кручей дремлет бастион –
Дом взял его осколки в свой фундамент.

Мне снится князь смоленский Ростислав,
Его сестра с печальными глазами,
По берегам реки – церковей стоглав
В молитве умиротворенья замер.

Мне снится прясло крепостной стены -
Тяжелым смутным временам свидетель
Оно встречало здесь напор войны -
Войны одной, потом другой и третьей...

Я просыпаюсь, разрываю сон.
Мерцает огоньками Заднепровье,
Но беспокойны жернова времён -
Они скрежещут и сочатся кровью.

И дом вздыхает, трещины ползут.
Он коренаст, морщинист, неухожен.
Он – добрый друг, и сны его несут
Огонь веков на свет стихов похожий.

ДЕРЖИСЬ ЗА НЕБО

Вибрирует, качается канат,
А по нему, как ангел бестелесен,
Скользя, порхает в танце акробат,
Себя под своды купола подвесив,

Он балансирует легко, и не боюсь
Опасности под бойкими ногами,
Крепчайшую имея с небом связь,
Как голубь приютившийся на храме.

Не упади с небес! Не оступись!
Не отвлекайся даже на мгновенье -
Слепящая торжественная высь
Не ведает ни страха, ни сомненья.

Ступай, иди... Ещё шажок-другой:
Ведь ждут тебя на том конце каната,
Держись за небо крепкою рукой -
Оно всегда подхватит акробата.

Вибрирует, качается канат,
А по нему, легка и бестелесна,
Ступаю осторожно наугад,
А вокруг меня лишь небеса и бездна...

ПРИВИЛЕГИИ ЦАРЕЙ

О, эти «привилегии царей»:
Корона, власть, предательство и плаха,
Алеет кровью царская рубаха,
А уж другой властитель у дверей.

А как стремился он туда попасть:
Вперёд, наверх к блистательному трону,
Надвинув вожделенную корону,
Познать неограниченную власть!

И снова повторится этот круг:
Корона, власть, предательство и плаха,
И кровью напоённая рубаха,
И на груди скрещенье мёртвых рук.

А времена торопятся в века,
Сминая человеческие судьбы,
Народной кровью полнится река,
Где тонут и правители, и судьи,

И бесконечна эта круговерть
Войны безумной – топора и плахи.
Из каждого прицела смотрит смерть
На белые крахмальные рубахи.

ИЗБОРСКИЕ ХОЛМЫ

Здесь дышится легче. Здесь воздух иной.
С Изборских холмов только воля и ветер!
Здесь просятся души в полет над землей,
Высокого неба заблудшие дети.

Где эта граница, очерченный круг?
Священные дали, священные земли!
Постой и послушай, как тихо вокруг
Звучит эта песня о вечном и древнем.

И сердце замрет и заплачет в груди,
Почувствовав то, что умом невозможно.
Прольются ключами здесь слезы земли.
Их чистые струи прими осторожно.

Прими осторожно недолгий покой,
Послания древние – дым над водою.
Всмотришься и увидишь, как там ,за рекой,
Из прошлого дева нам машет рукою.

Здесь время меняет свой стройный поток.
Ты делаешь шаг, чтоб опять оглянуться.
Дыхания вечности сделав глоток,
Сюда не однажды захочешь вернуться.

СКАЗ О ПСКОВСКОМ КНЯЗЕ ДОВМОНТЕ – ТИМОФЕЕ

За стенами Пско́ва
Плескава́ течёт,
А во граде Пскове
Славный люд живёт.

Церкви в Пскове-граде
Все как есть белёные,
А мечи у рати
В сечах закалённые.

Созывает Дóмант-
Тимофей дружину,
Чтобы гнать от дома
Немчуру-вражину.

По́лон князе любый
Доблести и чести,
И «на немец лютый»
Князь Довмо́нт до смерти.

«За Святу́ю Троицу
Постоим, мужи», -
Тимофею воинство
Радо послужить.

С ворогом отважно
Бьётся стар и млад.
Для Довмо́нта каждый –
Кто отец, кто брат...

За стенами Пско́ва
Плескава́ с Великой...
Тимофей во Пскове –
Свят и светел ликом.

КНЯГИНЯ

Проживала судьбу древнерусской княгини:
На груди – с зернью бусы из сердолика,
Легкий плащик, из шелка, на платье накинув,
Привечала гостей с самой доброй улыбкой.

Наливала им душу медового яда,
Льстила, нежила, мягко стелила княгиня.
А на утро гостей ожидала награда:
В лодке заживо их закопали в могилу.

Замуж взять захотел князь древлянский вдовицу?
Скоро он от решений своих занедужит.
Выйдет с войском она – и сожгут город птицы,
Отомстив за убийство жестокое мужа.

* * *

Незабвенная Псковщина,
Дорогой уголок.
Вот – цикорий встревоженно
Вдаль глядит у дорог,

За березовой рощею
Облака не видны.
Что затихла ты, Псковщина,
На краю у страны?

Не молчи – слышишь? – выкрикни,
Что не сдержишь – не смочь! –
Как за князя, за Игоря,
Отдала свою дочь!

Нет, не смоется ливнями
Быль далеких веков:

Расскажи, как помиловал
Царь Иван город Псков!

Если войско неверное,
На границе беда –
Выходила ты первая
Защищать ворота!

А не хочешь о горестях,
Вспоминай, как рассвет:
У медлительной Сороти
Жил великий поэт!

Но откуда ж не к месту так,
Шепотком из газет
Лезут слухи нелестные,
Что бедней тебя нет...

Мы сильны тем, что прожили,
Память в сердце храним.
Ты богатая, Псковщина,
Всем народом своим.

* * *

Березка тенью на стене рисует тюлевые сборки,
И солнца ярко-спелый край уже лесной коснулся кромки,
Рассыпан бисер на полях – душистый неприметный донник,
И мне медвяная роса лениво капает в ладони.
И пахнет пряною травой и сладко – золотистым медом,
И наряжается заря, чтоб завтра встретиться с восходом,
Налить янтарно-желтый цвет в бочонки про запас
На много долгих сладких лет.
В Медовый Спас.

ПСКОВ, 1582

я город увидел какой не сказать словами
за серыми стенами бұхали колокола
он больше чем Краков воскликнул мой сотоварищ
он больше Парижа со страхом подумал я
полсотни ворот и четыре десятка башен
из каждой бойницы безжалостный волчий взгляд
а нам обещали обычная крепость даже
поменьше чем Полоцк и шли мы как на парад
и вот этот город был август жара как порох
ни дома ни хлева все выжжено до золы
мы лагерь разбили не взять этот чертов город
мы рыли траншеи мы ладили к ним валы
мы ставили пушки мы ядрами били стены
но тут же в проломы с иконами шла толпа
под плач и молитвы юродивых и блаженных
вставали заслоны из бревен и из песка
мы сели в осаду и лето прошло и осень
дожди зарядили нам нечего стало жрать
король утомился затею дурную бросил
отъехал от войска оставив нас умирать
питались мы падалью маялись животами
сгорали как свечки пылали в ночном жару
а стены стояли и бабы с них хохотали
и лили из ведер на головы нам смолу
обваренных страшных с гортанью сожженной чадом
о скольких отпел я и скольким глаза закрыл
зима на исходе нам велено снять осаду
и вот мы уходим от нищенских их могил
а там за стенами лучи на церквях пузатых
их сотни и сотни и всюду хвалу поют
тебе о мой боже как будто твой сын распятый
лишил нас победы и тащит на страшный суд

БОГОЛЮБИВЫЙ ГОРОД ПСКОВ

Река Великая. Весь Кром
В ней отразился целиком.
Но крепость змейкою ползёт,
То высится, то пропадёт.
В проломах богатырских стен
Мелькает кошкой затхлый тлен
Тут чудится уже с утра,
Что этот день прошёл вчера.
Боголюбивый город Псков,
Где храмов больше чем цветов
И больше чем деревьев пней,
Всегда их больше, чем древней
И важен порубежный град
Здесь павших больше, говорят,
Чем тех, кто ходит по земле.
Не вспомнить всех, и даже не
Удастся скопом помянуть.
Кто на погост? Живые в путь.
Идти, что к Богу, что к чертям,
Одна дорога: по костям.
Но твёрдо верят на Руси,
Что Псков поближе к «небеси».

МОЛЯЩИЙСЯ СТАРИК

Для Всевышнего Царя
Старость шамкает беззубо,
Бьется об пол лбом и чубом,
Искренне благодаря.
Кладезь лет не ерунда.
Тем, кто знал, как жизнь жестока,
Сверх отпущенного срока
Каждый день волшебный дар.
Умиление в глазах.
БОГ судить не станет строго,
Как ни обращайся к БОГУ:
Яхве, Господи, Аллах...

НЕ ПРИЗВАЛАСЬ, НЕ БЫЛА...

Не призывалась, не была,
Не доводилось, не познала,
И в рифмах маются слова
О том, что я не испытала.

России пламенный венец
Горит, меня не опаляя,
Но как же плакал мой отец,
Те годы с болью вспоминая!

На тесной кухне за столом
Сидит, задумавшись, бывало,
И вдруг о прошлом, о былом,
О том, что жгло, не отпускало:

Как смерть ходила по пятам,
Как на глазах друзей косила
И как не раз спасала там
Его... неведомая сила,

Как неокрепшею душой,
Мальчишкой, в пекло окунулся:
Он в восемнадцать лет ушел,
А в двадцать два уже вернулся.

Не о наградах боевых
И не о подвигах мечтали,
Там полстакана фронтовых
Порой в атаку поднимали.

И боль, и ненависть, и страх...
Неистребимо, не забыто!
И столько лет потом во снах
Та нескончаемая битва.

Война, вдруг ставшая судьбой,
Он с нею так и не расстался
И на дороге фронтовой
Навечно, кажется, остался.

Холодный чай, застывший взгляд,
В раздумьях прерванной беседы...
Он умер тридцать лет назад,
В сорокалетие Победы.

ДЕТИ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

Вереницы афиш... Я не верю, не верю глазам
Что угодно, хоть с Марса, но только бы что-то иное!
И молитву шепчу из заснеженных льдин небесам,
И прошу пощадить мои душу и сердце больное.

О Всевышний мой! Сжался! Зачем ты так немилосерд?
И откуда мне шлёт испытанья планида глухая?
Я не в силах поверить глазам! Фортепьянный концерт.
И седой пианист из залитого солнцем Шанхая...

Как безжалостно время! Всего лишь мгновенье назад –
Мы, юны и прекрасны, – куражились мглою снеговою.
Ускользящий мост и ослепший фонарь. Грустный взгляд,
Не прощавший уже ничего, над гранитной Невой.

Я ведь помню тебя! Но и верить глазам не хочу –
Этим знакам кириллицы, твёрдо в лицо мне глядящим.
И, наверно, поэтому век свой предавший влачу.
И во сне вижу Ладогу в дикой метели всё чаще...

Сколько лет? И не помню. С того обречённого дня...
Я приду на концерт! И увижу с далёкой галёрки,
Как ты плакал мальчишкой, обняв неумело меня,
Умоляя их съесть – задубелые хлебные корки.

Наважденье... Бетховен и Скрябин, Чайковский и Лист –
Белый свет раздвигают над глупой толпой городской...
И жестокое время сжимает мне грудь... Пианист
На меня смотрит с нежной своей неизбывной тоскою...

ПИСЬМО УКРАИНЦУ

Мы вместе родились с тобой, мой брат...
И на родном притопленном причале
В пространство мироздания кричали:
«Нет, никогда тебя я не предам!!»
И птицы голосащие вразлад
На ветвях древ свивали свои гнёзда.
И мы, оберегая наши вёрсты,
Слагали гимны вехам и годам.

И плиты под крестами на земле
Чуть слышно говорили нам с тобою,
Что небо безупречно голубое
Святым благословением звезды
Рождается для нас в рассветной мгле...
И с каждым веком было всё виднее,
Что я любил тебя себя больнее,
И в вечность непреложную мосты

Без устали для нас сооружал...
И в череде неспешных серых буден
Я помнил твой Днипро, и тих, и чуден,
И чистый плеск его седой волны
С волнением себе воображал...
И руки всё протягивал в объятья,
Когда мы умирали вместе, братья,
На белых крыльях западной войны...

Архангел предал нас! Безумный рок
Смешался с нежной песней лебединой...
Я вижу взгляд твой мутный и звериный,
И огненный распахнутый оскал...
Как грязью облачён красивый слог –
Наш общий русский слог... А мы ведь братья...
И я, прибит гвоздями на распястье,
Шепчу: как долго я тебя искал...

* * *

*Памяти поэтов-героев Вадима Негатурова и
Алексея Мозгового, павших на боевом посту
от рук украинских фашистов*

Для кого стихи – макулатура,
Для поэта – весть с передовой.
И горит строфой Негатуров,
Пламенеет рифмой Мозговой.

Тот поэт, кто не проходит мимо,
Он из первых – против палачей.
Куликово поле – у Вадима,
На Луганском фронте – Алексей.

У шакалов гнусная натура:
Бить из подворотни не впервой.
Пал, но возродился Негатуров,
Грудь от пуль не спрятал Мозговой.

Дзот, Матросов Саша, амбразура,
Кровь распятыя – подвиг вековой.
На пути Христовом – Негатуров,
На пути Христовом – Мозговой.

Строк судьбы внезапна редактора,
Станут песней в памяти людской
Факелом сгоревший Негатуров
И комбриг геройский Мозговой.

ПОСЛЕВОЕННЫЕ МАЛЬЧИШКИ

Послевоенные мальчишки, мы все – седые старики.
Да что сказать: костры погасли, кой-где краснеют угольки.
Но пламя наше разжигалось в салютных залпах над Кремлём,
В мартенах, домнах и ракетах рвалось неистовым огнём.

Кто смельчаки, кто хулиганы, кто и «ботаники» в очках,
Мы север покоряли в тундре и на ледовых пятачках;
На юге сеяли и жали, ломали уголь под землёй,
И школы строили повсюду, и занимались с ребятнёй.

Такое наше поколение, всё на плечах своих несли.
Но что-то мы недоглядели, не распознали, не смогли.
И в годы злого камнепада страны распозлся материк,
Кровь ран-границ спеклась, и высох всеобщей близости родник.

Кого винить? Таких, кто снова «до основания, а затем...»?
Кто проиграл ещё на старте «соревнованье двух систем»?
Предателей отцовской веры в то, что незыблема страна,
Свернувших руль, страшась дороги, лишь только стала не равна?

Виним себя – «врагов» не ищем – за «девяностых» глухоту,
И только боль в груди за павших терпеть почти неумоготу.
А небо чистое бездонно – к себе всё чаще манит взгляд,
Куда уходите, мальчишки: не возвращаетесь назад.

Отцовский орден краснозвёздный, наследство доблестной поры,
Не затушуют шутовские, кривозеркальные миры.
Россия, вера, справедливость – всё, что нам свято, что в чести –
Как стяги – сыновьям вручаем и завещаем их нести.

БРЕДА...

Сильнейшая из многих крепостей
и ключ страны Голландии далекой.
Обороняться б от французов ей-
Орудий мало на стенах высоких.

И укрепления в состоянии плохом,
Моральный дух защитников в упадке.
«Прогнали русские французов вон...
Помогут нам, и будет все в порядке!»

И Бенкендорф спешил: голландцы ждут,
Одoleвая в лодках реки, ветер сильный,
И казаки , преодолев Горкум, вперед бегут,
А за спиной их ждет страна -Россия.

Запал Французов уж иссяк
Готов к атаке россиян лагерь,
И генерал Лорсе, о милости прося,
Над крепостью поднял о сдаче флаги

Декабрь первого числа не позабыть,
Такою близкой казалась им победа!...

Приказ Наполеона: «Русских оттеснить!
Вернуть любой ценою Бреду.»

И, опасаясь прусаков и англичан,
Французы захватили все дороги,
Сражались будто бы последний раз!
К ночи огонь затих немного...

В году 13 и в день рождения царя
Богослужения молебн в стенах Бреды.

По воли бога говорят
увековечена на карте та победа.

Да, брединцы, и на Урале мы живем!
И знают все у нас про ту Победу,
И прославляем край своим трудом.
Живите, процветайте, наши Бреды!

ГЕРОЙ РОССИИ

Нашему земляку Тимуру Ибрагимову
посвящается*

Бой затихал... Но вдруг все с новой силой:
Бандитских пуль неисчислимый град...
Не в радость был пейзаж тех мест красивый -
Ведь командира там спасал солдат.
 Что думал он? Не до раздумий было:
 Путь отступления нужен для своих.
 Майор был ранен: кровь терял и силы,
 Отсчетом жизни стал им каждый миг.
Спасение!? Укрытие так рядом -
Рукой подать! Опасен каждый шаг...
Летели пули бесконечным градом.
А дальше... у друзей все на глазах:
 Он пошатнулся и... упал сраженный.....
 Так беспощаден снайпер ли? Судьба ль?...
 Мгновенно смерть! Он, не издав и стона,
 Погиб мальчишкой... Господи, как жаль!
И дай, Господь, ты силы самым близким:
Так безутешны в горе отец, мать...
«Герой России» – числится он в списках -
Они ж сыночком продолжают звать...
 И где же подобрать слова такие..?
 Как можно смерти оправдать ребят?
 Скорбит по убиенным мать Россия...
 Помянем их! Не смеем забывать

* Тимур Ибрагимов – уроженец села Боровое Брединского района Челябинской области. Военную службу проходил в составе отряда специального назначения Сибирского региона. В марте 2009 года он находился в служебной командировке в Карабудахкентском районе Дагестана. 21 марта стрелок штурмового отделения выполнял боевую задачу, выносил с поля боя раненого командира, и погиб от пули снайпера. Тимур Ибрагимов выполнил свой воинский долг до конца.

СТОЛЬНЫЙ ГРАД – ПСКОВ!

Чудесен Псков в начале лета,
Волны Великой тихий плеск,
Весь город в зелени одетый,
По мне, так чудо из чудес!

Здесь древних храмов стиль особый,
Ряды церквей у стен Кремля,
Веками слыла – Домом Бога,
Святая Псковская земля!

Наш стольный град известен миру,
Форпостом славы на Руси,
Покой границ и нашу Веру
Хранят «крылатые» богатыри!

И никогда не канет в лета,
Краса и гордость этих мест,
Покуда над землёй великой,
Сияет православный крест!

1942 ГОД. НЕ ЗОВИ!

Посвящается двум прадедам, погибшим на войне

Куда идёте?
В восточном направлении.
Зачем явились?
За быструю победой.
Чего хотелось бы?
Души успокоения.
Когда покинете?
С весенней моросью и ветром...
Я покину родимый дом,-
Отпустите друзья грехи.
Я исчезну забытым сном
И не скажет никто: «Подожди!»
Не промолвит тихонько никто:
«Оглянись, назад посмотри!»
Под вуалью прошлых побед
Ты напишешь по мне стихи;
Заметая на узкой дороге след,
С улыбкою встречу заката лучи,
Выпуская на волю полночный бред,
Закричу: «Меня не зови!»

В полночь манящий сон
Унесёт меня в никуда.
Уходя, крикну: «Исчезай,
Не оставив мне и следа!»
Знаю, утром наступит рассвет;
Растворяюсь в тумане мечты.
Выпускаю на волю полночный бред.
Заметаю на пыльной тропинке следы!

ДОРОГА

Степные российские дали,
Где вечером – ни огонька.
Суглинок копыта размяли;
Заливистый свист ямщика

Взлетит, растревоженной птицей
Сорвётся в дорожную тьму.
И катятся странницы-спицы,
Бог знает, куда и к кому.

Поэту в кибитке не спится.
Он, ямы считая спиной,
Скрипящие слушает спицы
И свист ямщика удалой.

И вяжет просторы степные,
Погостов неброских печаль
В стихи, что подобны стихии:
Где жизни и жаль, и не жаль...

Он знает: за каждое слово
Заплатит судьбою сполна.
Цена для поэтов сурова,
Да разве удержит цена?..

Дорога петляет и вьется.
Взвивая соловую пыль,
Полуторка с рёвом несётся,
Колёсами давит ковыль.

В кабине и душно, и жарко,
И гарью тяжёлой несёт.
Шофёр, засмоливши сигарку,
Сквозь зубы тихонько поёт.

Попутчик – мальчишка вчерашний,
Недавнюю вспомнит войну:
И облако гари над пашней,
Окопную ту тишину,

Накрывшую всех перед боем,
За бруствер последний рывок...
Он сложит погибшим героям
Пронзительных несколько строк.

Он скажет, что жизнь – это свято,
Но стоит её не жалеть,
Когда умираешь за брата,
А смерть... это просто лишь смерть.

Трясёт грузовик на ухабах
По пыльной дороге степной.
Добрался бы к ночи хотя бы
До места поэт молодой.

Дорога, степная дорога,
Поэтов российских стезя,
Ты дар проверяешь так строго!..
Но, видно, иначе нельзя...

СООТЕЧЕСТВЕННИКУ В ХАРБИНЕ

В холодном Харбине, китайском Харбине
Зимою бывает под тридцать.
И ты на чужбине в хандре и уныны
Хоть раз да захочешь напиться.

Тогда не ходи на Арбате^{*} в пивные,
В надежде быть к дому поближе:
О нашей России, далёкой России
Ты здесь ничего не услышишь.

Сквозь утренний иней отправься в Харбине
На кладбище на Хуаншань.
В холодном Харбине, в синеющей стыни
Не водку – гвоздики достань.

Гвоздики на красные звёзды похожи
Рассветом окрашенных стел.
Скажи им прохожий, со мною не схожий,
Что мне бы сказать не посмел.

Здесь красных немало и белых немало,
Давай среди них постоим.
Кичиться не стоит гражданством, пожалуй,
Но сладок отечества дым.

В холодном Харбине, китайском Харбине,
В весёлой и праздной толпе
Какою бывает для русских Россия
Пусть сердце подскажет тебе.

** В построенном подданными Российской Империи Харбине сохранились памятники архитектуры в русском стиле, одна из центральных улиц в пешеходной зоне до сих пор неофициально называется Арбатом.*

БЛОК И БРОДСКИЙ

Перед прочтением прошу освежить в памяти стихотворение Иосифа Бродского «Не выходи из комнаты» и стихотворение Александра Блока «Ночь, улица, фонарь, аптека...» (авт.)

Точка после каждого слова.
Что же. Она. Значит.
«Лирика, ты не здорова?» –
Лирика. Снова. Плачет.

Многие любят Блока.
Отдельно. Слова. Смыслы.
И многие очень жестко
К концу. Сбиваются. С мысли.

Четверть века в пыли проживая,
Покрываются. Стены. Известкой.
А люди, всё больше зевая,
Поклоняются. Рифмам. Бродского.

И аптеку в ночи не находят.
О проблемах. Своих. Печалются.
А из комнаты лишь выходят –
В уборную. И. Возвращаются.

Начиная опять с начала,
Повторяют. Свой бег. Как встарь.
Взаперти у окна поначалу
Видят только. Знакомый. Фонарь.

И мечтая, чтоб их продуло,
Запираются. В сумраке. Зал.
Отрывая взгляды от стула,
Видят Рябь. И знакомый. Канал.

Оставьте фонарь и улицу.
И Все. Лишние. Хлопоты.
Оставьте аптеку хмуриться.
И. Выходите. Из Комнаты.

СКАЗОЧНОЕ

Как когда-то, за горами, за долинами
Поднималась вековечная заря,
И отмахивалась крыльями совиными
От неё лесная нечисть, затая
В чёрной памяти обиду стародавнюю
За разбрызганный над чащами рассвет.
Закрывают по привычке окна ставнями
В деревнях, где верят в истинность примет.
Там по тропам бродят лешие с русалками,
Зимний воздух русской печкою согрет...
Тянут нескончаемый куплет
Девки за крутящимися прялками,
И в ночную тьму, как нитка, месяц вдет.

К ВОПРОСУ О ПОКАЯНИИ

За что мне каяться, скажи, чего стыдиться?
Что дед вмерзал в окопы под Москвой
И все, считай что, европейские столицы
Прикрыл сукном шинели, как бронёй?
Когда его в плену собаки рвали в клочья,
И он уже не верил, что рассвет
Способен высветить во мраке этой ночи
Хотя бы плац и виселицы крест,
Тогда он вспомнил, как тепло от русской печки
Тихонько обволакивало дом,
А мать, на время одолжив у Бога свечку,
Детей крестила тем святым огнём.

И пусть я нераскаявшийся грешник,
Я сам себя в беспутстве уличил.
Ну а состарюсь, может быть, на плешь мне
И капнет воск с огарка той свечи.

* * *

На золотистом серпике луны
Ко мне беззвучно приплывает ночь.
Плащом волшебным, где томятся сны,
Легко взмахнет и улетает прочь.

А мне приснится двор, что весь зарос.
Сырой и тихий, он мне очень рад.
Нам здесь с тобою счастливо жилось
Не так уж много лет тому назад.

Упавший лист в заброшенном пруду,
Куда – не знает! – по ветру плывет.
И незаметно там часы идут,
Где безмятежность прошлого живет.

На золотистом серпике луны,
На острие полузабытых дней,
Приходят к нам с тобой из детства сны,
Чтоб мы в святое верили сильней.

* * *

Я прилечу к тебе на крыльях сна
Смахну тревоги рукавами ночи.
Тебе приснится юная весна,
Что на земле всю уже хлопочет.

Пусть закружит тебя черемухи метель,
Пусть терпкий ночи аромат сочится,
И настоящий дождь, а не капель,
В окно намокшей веткой постучится.

Ты жди весну, как добрый знак небес,
Ты в чудо верь – тогда оно случится.
И до него – одной волны лишь всплеск,
Лишь взмах крыла летящей в небе птицы.

ПРОСТО ЗЯМА

Зиновию Гердту

Играет ветер жёлтою листвою,
О берег бьёт озёрную волну –
Гердт помнил, может, родину такую...
Хоть не сказал об этом никому.

Он очень часто возвращался в Себеж
И наяву, но чаще, всё ж, во снах,
Вновь чувствуя таинственную прелесть
Местечка на озёрах и холмах.

Зиновий Гердт... для близких – просто Зяма,
Здесь помнит не один культурный слой,
Как в детстве Гердта подзывала мама
На ужин поздним вечером домой.

Ах, этот Себеж, милый, сердцу город,
Нельзя забыть красу твоих озёр,
Не только сердцу Зямы мил и дорог,
Твоих дорог затейливый узор.

Да, местная природа восхищает,
Глаз радуя и приводя в восторг,
Когда средь облаков лебяжья стая
Летит в прекрасный утренний восход,

Когда росы брильянтовые капли
Блистают многоцветием слюды,
Когда невзрачные, лесные цапли
Лягух пугают в поисках еды,

Когда в ночи неясным силуэтом,
Несутся тени лупоглазых сов...
Родившись здесь – нельзя не стать поэтом,
Или, как Гердт, любителем стихов...

Шуршит листва в осеннем, старом парке,
Проходит время, к вечности спеша,
Ещё не раз мелькнёт здесь в свете ярком
Смеющаяся Зямина душа.

ЭНВЕР ЖЕМЛИХАНОВ

Это было или мне приснилось,
Только чётко в памяти живёт,
Будто время вдруг остановилось,
Сохранив из детства эпизод.

Тот ларёк «Мороженое-Пиво»,
Что на рынке в те года стоял,
Помнит кто? ...где люд неторопливо
С пеною бокальчик принимал,

Там бывал частенько Жемлиханов,
ЖЕМЛИХАНОВ, местный наш поэт,
Всякий раз, уже немного пьяный,
Моему отцу кивал привет,

За руку здоровался неспешно,
Иногда читал свои стихи,
Что тогда довольно-то успешно
Издавались скуке вопреки.

Это были первые уроки,
В миг, когда под громкий сердца стук,
О любви услышала я строки
К улицам моих Великих Лук...

РОССИЯ

На болоте массивы деревьев -
Белоствольная роща берёз.
Ты, родная Россия, поверь мне,
Люблю нежно тебя и всерьёз.

И дрожащие листья осины,
Всё, что вижу вокруг наяву:
Синь озёр и речные долины –
Я родною Россией зову.

И дубы-колдуны, как из сказки,
Встали в ряд у развилки дорог.
Нарядившись в чудесные краски,
Клёнов листья упали у ног.

Ты нарядна всегда и красива,
Моя русская родина-мать.
Величава ты и горделива,
Ты Россия, что век не отдать!

ИЗБОРСКАЯ РУСЬ

Дымились руины, но били Ключи,
Апостолов слёзы и совесть! -
И новые башни вновь строил Изборск,
К спасеньям России готовясь...

Жеравья гора и Трувора крест,
Рябиновка, Луковка .Вышка -
И перст Чудотворца, Святителя перст,
Захаба ловушка-кубышка...

Здесь русский характер свой градус калил,
Здесь князи в сраженьях мужали,
Здесь ворог словенскую стойкость хвалил,
Здесь рыцари в страхе дрожали!

Державу рождали и Новгород, Тверь,
Москва, и Смоленск, и Владимир,
Изборск же держал крепко запертой дверь:
– Да будет Отчизна хранима!

И радость, и грусть, и доблесть . и честь,
Мощь – стены твои крепостные...
Какая же сила Изборская Русь -
Великая наша Россия!

Татьяна ГАВРИЛОВА
г. Великие Луки Псковской обл.

* * *

По дороге прямой,
Все леса, да леса,
Родников голубых
Смотрят в душу глаза.
Не замедлит рассвет,
Озарит лес густой,
Восхищенье в глазах,
Грусть умоет слезой.
Родники, родники,
До земли поклонюсь,
Белым снегом полей,
Как трава, убелюсь,
У порога дорог
Серебрится вода,
Сила русской земли
И небес высота.

* * *

Птицы, словно ангелы,
Белые летели,
Дом себе искали,
У деревни сели.
А деревня добрая,
Озеро с водою,
Да сосновый бор,
Да капель весною.
А еще церквушка
И погост крещенный,
Батюшка молитвою
Богу шлет поклоны.
Белые березки
Под окном скучают,
Нежностью Есенинской
Сердце замирает.
Русь моя, Святая,

Краше в мире нету,
Пушкинской строкою
Край родной воспетый.
Неоглядна Родина,
Верь – другой не надо,
Здесь «Калина красная»-
Шукшина отрада.
Птицы, словно ангелы,
Лебеди летели,
Повинуюсь Богу,
У деревни сели...

* * *

Родина, Отечество, Отчизна.
От крещения с тобою и до Тризны,
Русь Святая, павшими хранимая,
Церковью небесной неделимая.
Не сломить веками православия,
Не случилось бесов поругания,
В дом святой царицы Богородицы
На поклон молитвенники сходятся.
Ратные подвижники, святители,
В царстве Божьем, иные небожители,
За Отечество стеной стояли,
За царя в боях благословляли.
Крестный ход с иконами святыми
Освятит в душе слова простые.
За добро, за веру, за могилы,
Что отдать врагу не в силе.
Веруя, солдаты погибали,
Жертвуя, врагу не уступали,
Сколько их легло с крестом на шее,
Умирая, в православной вере.
Русь моя, благая, необъятная,
У твоих границ защита ратная,
В дом святой царицы Богородицы,
На поклон молитвенники сходятся.

* * *

Что это за мир такой правильный,
Что это за жизнь без чудес?!
По линейке все тракты, травы ли
И почти не кучеряв лес.

Сколько глаз: горизонт плакатами
Занавешен, скрывая суть.
Чисто вымытыми, богатыми
Проживает неспешно чужь.

Мягким бризом укутав голову,
Спит земля в гамаке дорог,
Самоцветом сияет Оулу-
Новгородский былой острог.

Миновали разборки Ордена,
Рима, Дании и Москвы...
И сжигали потомки Одина,
Чтоб опять навести, мосты;

Пузырились хмельной отвагой ли
И разбойничали в дали,
Или снова: вдовы отплакали,
И шелка везут корабли,

Дабы нынче кумиром общества
Без опоры на –изм и –ость,
Оставляя в миг скоморошество,
Восторгался наивный гость:

И богатством туземным, сытостью,
И размеренностью бытия,
И, смутившись совсем, открытостью
Безо всякого питья.

Так живут: и не репу парить им,
И не божьей искать росы...
Смех Европы слышен на паперти
Молчаливой святой Руси.

«ПАРИЖСКАЯ НОТА»

Парижская нота
В серый июньский день.
По полю блокнота
Стихотворенья тень
Растет сообразно
Часу. И все же лень.
Июньское грязно
Небо. Мечта напрасна.

Парижское лето,
Сены холодный ток.
Нищий с приветом
Носом клюет в платок
Ненужного слова.
Он понимает то,
Что поза— основа
Жизни всего иного.

Парижские пугы,
Невозвращения крест-
Слепые причуды
Кладбищем стертых мест,
Начерченных позже.
Ныне и присно— честь
Тому, кто свой прожил
Век, найти здесь и ложе.

Парижская вера
В то, что России две...
Привычная мера:
Кто и в каком родстве.
А дети и внуки
Видят чужой рассвет
И забывают муки
Неразделенной скуки.

ШИРОТА ДУШИ

Как измерить широту души,
Что исконно прозывают русской?
Строй, какие хочешь, чертежи,
Хоть с какой направленностью узкой,

Всё равно не скажешь ни черта,
Широта души не измерима.
Может где-то в жизни есть черта,
Только та черта – для русских мимо.

В закоулках наших тайников
Отложились мудрости столетий.
Так вот и живём – без дураков –
Белыми воронами на свете.

Мы впитали соль родной земли,
Ласку тех, кого всегда любили,
И такие тяготы несли,
Будто лошадь загнанная, в мыле.

И ведь выжили, кому-нибудь назло.
А кому-то в радость мы навеки.
Если с нами вам не повезло –
Нет причины в русском человеке.

Наших душ вам не дано понять.
Для друзей всегда открыты двери...
У души – «особенная статья»,
И в неё возможно только – верить.

ДЕТЯМ ВОЙНЫ

То малое,
Что есть в душе пока,
И что даёт вам волю
К новой жизни...
Ведь ты, мой друг,
Живёшь не в укоризне,
И не к тебе
Является тоска.

Ты ещё можешь
В лес пешком идти,
Колёса крутишь у велосипеда.
К тебе приходит
Всякий раз – Победа
Над всем,
Что повстречается в пути.

И ты гордишься,
Гордость, хоть и грех,
Но самый маленький
Из всех известных.
Ты ждёшь похвал,
Слов ожидаешь лестных,
А с ними
Пониманье и успех.

Да, в этом возрасте
Иного и не ждёшь:
Сегодня ты здоров,
А завтра – болен,
В своих поступках
Волен и не волен...
Ах, осень, осень –
Снова сеет дождь.

ДИАЛОГ

- Хочу сидеть с тобой в одном старинном замке...
- О чем ты говоришь? Земля обожжена...
- Хочу сидеть с тобой в одном старинном замке,
И чтобы свет луны струился из окна.

И чтобы шепоток завистниц в кулуарах,
И, вздрогнув, к нам вошли ночные зеркала...
– О чем ты говоришь? Земля от крови ала,
И комната на нас, как клетка, напозла.

- Мы пойманы в кулак, мы заперты как в танке,
Мы выплюнуты в ночь, как неуютный хлам...
- Хочу сидеть с тобой в одном старинном замке,
И чтобы платья шелк скользил к твоим ногам...
 - Мы пущены в расход, гнием живыми в склепе!
- И наш с тобой уход уж предвкушает мышшь...
– Мой милый, мы в Раю! Мой милый, мы на небе!
– О чем ты говоришь!
– О чем ты говоришь!

СТАРИК

Что мне слова? Я устала от них.
Как я хочу, чтобы в сумерках дня
Рядом со мною сидел мой старик,
Печку топил и смотрел на меня.

Я бы ему, моему старику,
Все рассказала как на духу.
Всю свою жизнь просветила до дна:
Как, не начавшись, кончалась она,

Как я любила, как я ждала,
Как ничего я не сберегла,
Как, не торгуясь, платила сполна...
Как оказалась всем я должна.

Только старик мой прощает меня,
Чаем старик угощает меня.
Руку на голову тихо кладет –
Будто бы знает все наперед.

Он ничего не скажет в ответ –
Он мне протянет старый портрет,
Где на просторе тающих рек
Изображен девятнадцатый век.

Там мой старик – такой молодой!
Рядом – невеста с белой фатой.
Ветром взлетает лихая фота.
В нежных глазах ее темнота.

Не обещают, не сберегут
Эти глаза – что ж за надобность в них?
По ветру пустят, по миру пошлют,
Но – не уйдешь от них ни на миг.
Этим глазам мир не знает цены –
Эти глаза всему миру должны...

Милый старик, так вот почему
Все ты прощал мне, как никому...
Вот почему меня чаем встречал,
Вот почему – глядел и молчал.

Нету давно моего старика,
Стынет на старом фото река.
Но, все разрушая, мчится назад
Бабушкин, бабушкин, бабушкин взгляд!

* * *

Ничего не держится в карманах:
Звон монеты и купюры шорох.
Я недавно снова был обманут
Женщиной – непревзойденным вором.

Глупость не проходит без причины,
Хоть ума накоплено – палата!
Дон Кихоту копыя не точили,
Щит и вовсе отдан за квартплату.

С каждым шагом попадая в лужу,
Нищеты тащил пудовый жернов,
Разорен, разбит и безоружен.
Но влюблен.
И этим жив, наверное!

* * *

В три месяца лютующей весны,
Когда тошнит и аж дыханье сперло,
Приходят стаей алчущие псы
Трепать мое простуженное горло.

Не приготовить слово поострей,
С традицией и вкусами не ссорясь.
Еще поется, – значит, пой да пей,
А время приготовит острый соус;

Даст настояться, щедро обольет
Да так, что после смерти не отмывься...
А за окном – небесный ледоход
И целый месяц не летают птицы.

Запутавшись в каштановом плену
И в облаках предгрозовой сирени,
Всех обману. Себя не обману.
И двух сердец земное тяготенье...

* * *

Мы понятия меняем
Без особого труда.
Ложь как истина святая,
Правда... Кто ж ее видал?

А потом все так сойдется,
Что, сойдясь глаза в глаза,
Врать – язык не повернется,
Правду – вовсе не сказать.

Сердце дернулось и сжалось,
Будто в омут с головой.
Умер, вот какая жалость, –
Выжил?! Ты смотри, живой!

Перед смертью воздух плотным
Стал. И тяжелей.
Жалко гибнущих животных,
А людей – чего жалеть?!

Одолела правду-кроху,
Выжила старуха ложь.
Не стреляй в меня, эпоха,
Все равно не попадешь!

КРЕЩЕНСКИЙ СОЧЕЛЬНИК...

Крещенский холод,
Увы, не вечен,
А ну-ка в прорубь,
Там крест отмечен.

Водой волшебной
Да окропиться,
Вся Русь Святая,
Успей напиться!

А в небе звёзды,
И ангел светлый,
Успехов, счастья,
И мир заветный...

ИЗБОРСК

Изборск! Взойди на эти кручи
Земли славянской, в небе тучи
Давно ушли, и с птичьей песней
Прославлен мир, что всех чудесней.
Простор России здесь – без края,
Цветенье трав в начале мая
Там, где журчащие ключи,
Сверкали в древности мечи...
Кресты церковные – в рассвет,
И так – на много сотен лет...

ОНА СИДЕЛА У ОКНА

Она сидела у окна
И с грустью в небеса смотрела.
Который день совсем одна...
Она ведь этого хотела!

В душе смятенье и тоска,
И на стекле следы дыханья...
Изящно тонкая рука
Выводит буквы на прощанье.

Глубоких глаз небесный цвет
Из-под ресниц пушистых льется.
Ей так и не найти ответ,
Зачем она на небо рвется?

Быть может, это лишь весна,
Все успокоится, пройдет все.
Но каждый вечер ждет она,
Что снова он за ней вернется...

И день прошел, и снова ночь.
Опять весну очаровала!
И с неба льется синий дождь
И слезы... как наколдовала.

ОДУВАНЧИК

Майская радость – желтый цветок!
Ярко пылает твой огонек!
Целое поле, пожар – посмотри:
Это искрятся чувства внутри!

В белой черемухе ветер шумит -
Не потушить ему то, что горит!
Сердце согреется в этом огне -
Майское солнце в тебе и во мне!

МЫ

Случайные встречи, пожатия рук,
Невнятные речи – не враг и не друг,
Сошлись и расстались, опять и опять,
Не видя лица и не помня как звать...

И каждый в свой кокон, считая, что прав,
И каждый уверен, что сам себе граф;
В душе оседают, как прелый навоз,
Комки раздражений, соль высохших слёз...

И вряд ли возможен другой разговор,
Нам вынесен кем-то такой приговор –
Кошмар ориентиров и шорох шагов
В бесплотном капкане разъятых веков...

Случайные встречи, пожатия рук,
Невнятные речи – не враг и не друг,
Сошлись и расстались, опять и опять,
И даже не жаль, просто нам наплевать...

АВГУСТ. ПОЛНОЧЬ.

Измятые сутки в мозаике слов,
В движениях цепких реалий и снов –
В хрусталиках глаз след колес и сапог,
Квартальных отчетов подбитый итог...

Я вырос и умер, я жив и здоров
Безмозглой скотиной средь стада коров,
Разорваны связи, за маревом – край,
Разбившийся месяц, потерянный рай...

Я землю копытил цепочкой шагов
В мелеющем русле меж двух берегов.
Природа блудила бессмыслицей дней,
Играясь свободой и сталью цепей...

Пытаясь постигнуть, я знал – никогда
Понять не смогу, да и суть – ерунда,
Мечась бестолково, стекают года,
Средь смеха и боли, средь лжи без стыда...

Как сдувшийся мячик – ни вверх и ни вниз –
Я мир ощущал как бездарный эскиз...
Луч мутного солнца – ни свет, ни тепло –
Грядущее зыбко, бывшее ушло...

Улиткой в овраге, листом на ветру,
Обломком коряги, поганкой в бору,
Роящихся атомов злой океан
Бурлил темной кровью не вскрывшихся ран...

Пропетые песни – прореха в ночи,
Неясные мысли – зола у печи...
На камне мой дом, но в теснинах веков,
Незыблемость камня – мечта чудаков...

На небе алмазная россыпь из звезд,
Мерещится мне, что поет черный дрозд,
Дрожащей росинкой в холодной траве
Полян земляничных в моей голове...

* * *

и наверное не важно, где дом, где ты,
сколько стоит газета на Rue d'Alger,
сильный ветер, сигарный дым,
в небеса уходящие, этажи.
я все время путаюсь, где твой дом,
то ли красный Марс или древний Псков,
ты наверное скажешь, но все потом,
вспоминая сотню последних снов.
и еще, не смотри мне так долго в след,
как магнит держит тело, прозрачный взгляд
ты забыла родная, мне много лет,
и такие, как я не идут на зад.

* * *

И гром покажется музыкой,
И дождь, как струны зазвучит,
Когда перед Священным Ликом,
Душа смиренная стоит.
Когда приходит время встречи
С Творцом своим, глаза в глаза,
И разгораются, как свечи,
В притихшем Храме, Образа.
И боль уходит со слезами,
В душе покой, и грусть светла.
Когда – ни будь, мы все предстанем,
Пред Светлым обликом Христа.

* * *

Мои дорогие, отважные, милые дети,
Мои непонятные, сонные, скорые и,
Идущие в ночь, живущие в солнечном свете,
В тоскующем ветре, среди неземной тишины.
Мои дорогие, вы, пасынки вечной вселенной,
Я вас заклинаю, точнее смиренно молю.
Останьтесь такими, с друзьями, со мною, со всеми,
Останьтесь такими, когда все несется к нолю.
Останьтесь такими, когда продают за копейку,
За рубль, за гривну, за ад, нескончаемый рай.
Я слезно прошу, я иначе не смею,
Останьтесь такими и не уходите за край.
За край волшебства, где живет оскорбленная верность,
С ее бесконечной обидой на чьи-то грехи,
Где плачет в трущобах извечно печальная бедность,
Где кто-то рождает больные душою стихи.
Мои безрассудные, нежные, вечно живые,
Мои просветленные, больше чем я или он,
Мои непонятные и неизменно простые,
Останьтесь прекрасными, как нескончаемый сон.

ПРЕДСТАВЬ, ЧТО Я ПРИЕДУ...

Представь, что я приеду этим летом...
Приеду в твой немецкий рыжий дом.
Укрою твои плечи мягким пледом,
И чай пусть остывает «на потом».

Поведаю о мрачных переулках,
О днях, что дышат лишь одним тобой,
О тьме ночей, и о трамваях гулких,
О том, как мне читается Толстой.

О дыме дискотечных модных клубов
И о бездонной грозной тишине...
А о себе рассказывать не буду –
Ты ведь и так всё знаешь обо мне.

Представь, что я приеду, ненадолго.
Чтобы хоть раз увидеться смогли.
Чтоб просто поддержать твои ладони.
И дать поцеловать тебе свои.

Я знаю, ты так любишь апельсины.
Опять мы будем до утра не спать –
Пить крепкий кофе, петь за пианино,
И всё равно, что завтра уезжать...

А если поездов к тебе не будет
И на паром билет я не возьму –
Дождись. Я обязательно прибуду
И крепко-крепко-крепко обниму.

МНЕ НЕЛЬЗЯ О ТЕБЕ ГОВОРИТЬ

Мне нельзя о тебе говорить.
Это самый глупый запрет.
И последняя тонкая нить
Оборвалась. Теперь тебя нет.

Нет не в смысле «живой – неживой»,
От беды сохрани тебя Бог.
Просто в жизни рядом со мной
Долгий путь одолеть ты не смог.

Я пишу, потому что слова
На бумаге подольше живут.
И со мною пока что молва
Та, как будто бы ты ещё тут.

Помнишь, как мы хотели вдвоём,
Неразлучными быть всегда,
Сказки сыну читать перед сном
И не знать, что такое беда.

Но наш дом купит кто-то другой,
Свой уклад и свой быт заведёт.
И мальчонка, который не твой,
Ничего от тебя не возьмёт.

Ну, а я в самом дальнем конце,
Где не сходятся наши пути,
Вдруг сумею в сыновнем лице
Твою чёрточку тайно найти.

МЫ РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА...

Мы родом из детства... И тянется тропка
Той памяти давней незримо и робко,
Но всё же не рвётся, и нас возвращает
В то время, что детством своим называем.
Где часто смеясь, а порою и плача
Мы так упивались весною ребячьей.
Где были несчастны, когда не встречали
От взрослых участия в наших печалях,
Где жизнь нам казалось почти бесконечной,
А чувства там были просты и сердечны,
Где с чьим-то уходом легко примерялись,
А шар улетевший с надеждою ждали,
Где были сильны нашей детскою дружбой,
А перед коварством друзей безоружны.
Где близких, как данность, любя принимали,
Обиды, укоры им быстро прощали...
Но как бы не жили мы в детстве далёком,
Мы видели звёзды и даль синеокой,
Босыми ногами бежали по лужам,
А зимняя стужа нам вовсе не стужа –
Была бы ледянка и горка покруче –
И этих мгновений – что может быть лучше?!

Мы родом из детства... Мы верим и знаем:
Оно никогда не прощается с нами.
И девочка та, и тот самый мальчонка
Смеются оттуда нам чисто и звонко.

ЗИМА-КРУЖЕВНИЦА

Зима-кружевница сплетала узоры,
Украсила ими леса и озёра.
Платочки резные метелью кружила,
И белую скатертью землю накрыла.

Но холодом веет от рук мастерицы,
И дышат морозом её рукавицы.
И нежные ткани тончайшей работы
Живут лишь её ледяною заботой.

Не греют богатые белые шубы,
А студят нам щёки, ресницы и губы.
Красою зимы любоваться несложно,
Согреться в её кружевах невозможно.

ЗИМА РАСТАЯЛА! – РОНДО

«Зима растаяла!» – сказал сынишка
Увидев на картинке в новой книжке
Период наступления весны.
И в этом восклицании видны
Наивность, непосредственность малышки.

Смеюсь я над словами болтунишки
И умиляюсь – ведь слова полны
И смысла важного, и глубины -
Зима растаяла!

Ведь правда есть в ошибке у мальчишки -
Растает снег, как на рисунке в книжке,
Подтаёт ночь; короче станут сны;
Исчезнут дни, что были холодны...
И мы воскликнем, словно ребяташки:
«Зима растаяла!»

* * *

Холодный путь – он тоже путь,
но мне по сердцу – путь горячий;
я буду здесь когда-нибудь,
и буду биться над задачей,
которой нет, и в этом суть! –
Есть мнение: «Так, или иначе?»...

Но это мнение, словно ртуть,
дробится в шарики удачи,
порой, блистая и любя
созвездья тел, носящих имя,
сосущих у Горгоны вымя...
Нас этот миг ведет в себя...

Холодный путь пророчат звезды,
огнем созвездия трубят:
– А, может быть, еще не поздно –
– Оставшись «под», подняться «над»...

* * *

Мы остаёмся навсегда
в безмерном омуте вселенной:
пока нас нет, сгорит Звезда,
туманностей остынут вены...
И многое свершится здесь,
там, где Земля и Небо дружат,
где люди – мыслящая взвесь –
свои напитывают души
нектаром нежных нот и строк,

да дѣгтем грубых вожделений –
пока наш маленький мирок
ещѣ живет на грани тени,
пока пылающий Восток
от бытия, от факта жизни,
всех нас не превратит в комок
бездумной и инертной слизи,
мы будем жить, и будем петь
те песни, что веками пели,
любить, чудить и вина пить
в тисках постели иль метели,
пока не оборвется нить...

* * *

Вот калитка, плачут птицы,
Захожу и виду дом,
Тот, в который мы вселиться
Собирались всем гуртом,
Но не вышло, наши дети
Разлетелись кто-куда...
Мы одни встречаем ветер,
Оставляя два следа.

Пусть в пути озябли ноги,
Рвутся звуки на струне –
На полуденной дороге,
Как в полночной полынье
Мы еще живем и внемлем
Бесконечным небесам,
Правим жизнь, торопим время,
Различаем голоса...

У КОСТРА

Заблудились, похоже. Под шёпот ветров
Разожгли мы костёр, и на огненный шёлк
Загляделись опять от таёжных хребтов
Тайны духа тайги, словно сказочный волк.

Пробежал мимо нас благородный олень,
Юркнул в норку свою чёрный хорь, знаю я,
Что не спали бобры, хоть трудились весь день,
Наблюдая, как бились в схватке ёж и змея.

Жизнь и смерть на виду, это рядом совсем,
Росомаха смеялась, как будто лиса
Мыла хвост на реке – восемь раз или семь –
Но, однако, темно, появилась роса.

А костёр наш горел, можжевельник искрил,
Словно бабочка, птица летела к огню,
Опустилась над ним, выбиваясь из сил,
Ночь тайги колдовала, сжигая дубы на корню.

Мы глядим на огонь, и не верим глазам,
Что творится! – На углях танцует заря,
Словно девушка в красном, в слезах – бирюза!
День, что начался утром, приходит не зря.

Потому мы раскрыли свои рюкзаки,
Съели сало без хлеба... Погашен костёр.
И отправились в путь, сжав сердец кулаки,
Счастье ищем опять, не нашли до сих пор.

ЗАКРЫВАЯ В ОСЕНЬ ДВЕРЬ

Осень изначальная
Мне в лицо дышит,
Задержу дыхание
И пойду тише,
Сизых галок троица
Снова рядом,
Небо беспокоится -
Так ведь надо.
Надо бы задуматься,
Почему такое?
Видят птицы куцые
Неземное.
Облака кучкуются,
Стонут вязы,
И меня на улице
Ищут сразу
Дождь и ветер злющие...
Улыбнусь снова,
Ведь бывают пуще дни,
Жизнь – она сурова.
Пусть она нещадная,
Милует порою,
Значит, буду рада я -
В осень дверь закрою.
Это ль не прощение?
Ветер дуть стал тише,
Задержи дыхание,
Смерть услышишь...

УЙДУ...

В серебряном пруду
Вода мертвым-мертва.
В заброшенном саду
Нетронута трава.
Там стаи певчих птах:
Родные кобзари
Уснули на ветвях
До утренней зари.

Я к полночи, впотьмах,
Среди травы густой,
Запутаюсь в следах,
Оставленных луной.
Была здесь... и ушла
С неслышным ветерком:
Примятая трава
Поднимется легко.

И я вот так уйду,
Запутавшись в долгах.
Покой себе найду
На дивных берегах.
Там нечего желать
И не о чем жалеть,
Там... время помолчать
И тихо встретить смерть.

СОЛДАТЫ ПЕРА

Поэты России, чтя Божий Закон,
заблудшим в пути помогают
и жизнь свою ставят тем самым на кон,
предчувствуя, что проиграют.
Дано им от Господа право писать
слова утешенья страдальцам,
но люди меж строк разучились читать,
на смерть обрекая скитальцев.

Поэтам дан срок, не длиннее свечи,
скитаться от дома до дома,
но заперты двери, стучи – не стучи,
для них и для слова живого.
Забыты заветы и грешников тьма,
но долг перед Русью призвал их
«сердца жечь глаголом»!.. такая судьба
у этих солдат православных.

* * *

Станиславу Субботину

Нынче писать стихи -
себе дороже,
каждый – ценитель,
но каждый десятый -
каратель:
вот и готово
поэту
прокрустово ложе,
чтоб не торчали
пятки
из общей кровати.

Только не тот поэт,
кто ищет где слаще,
кто отупел от жлобства
и от гламура.
есть ещё,
поверьте,
стихи настоящие.

Именно в них
летит
пуля-дура.

ЕСТЬ В РОССИИ МЕСТА

Есть в России места,
Где природа чиста,
Где сердца у людей не остыли.

Там, вдали от столиц,
Больше искренних лиц,
Там родник русской славы и силы.

Там не бросят в беде,
Не откажут в еде,
Там помогут, чем могут, всем миром.

Там невест чистота
И людей красота,
Там не строят дворцов и кумиров.

А у тихой реки
Там сидят рыбаки,
Ждут удачу свою на рассвете.

Там живет мой народ,
Там природа цветет,
Там смеются залиvisto дети.

Деревенский уклад.
И, наверно, стократ
Буду Господу Богу молиться.

Чтобы тысячи лет
Теплый искренний свет
Освещал эти русские лица.

КУДА ИДЁШЬ ТЫ, РУСЬ?..

Куда идёшь ты, Русь, ответь?..
По взгорьям от амурских сопок
Уже полжизни, а не треть
Иду с тобою я бок о бок.

В тебе перебродила грусть
Давно. И став сама бродяжкой,
Куда сейчас идёшь ты, Русь,
Вздыхая на ухабах тяжко?..

Куда идёшь, хоть мне скажи,
То – падая, то – спотыкаясь,
Украдкою безмолвно каясь
В былых грехах больной души...

Что будет завтра, что – теперь?..
Вон, видишь, свет, но – для тебя ли
Оставили открытой дверь,
Печь протопили, дом прибрали?..

Не для тебя ль? Не для того ль?..
Чтобы отсюда восвояси
Никто не гнал. Чтоб стихла боль
На плачущем безмолвно Спасе.

Куда идёшь ты, Русь, скажи,
В убогом рубище, босая?..
Во чистом поле – ни души,
А над тобой – воронья стая...

И надо мною – вороньё,
С пути бы истины не сбиться...
Держись, Отечество моё,
Ведь друг без друга нам не сбиться.

НА РЕКЕ ПСКОВЕ

Пожалеешь порой себя раз-другой
да забудешься сном на раз-два-три,
до того, как изогнется яркой дугой
исчезающий сполох ночной зари.

А наутро все тот же круговорот
непонятно кому так нужных дел...
И опять не увидишь, как небосвод
распахнет для вечерней службы придел,

Как дитя улыбнется, мамин напев
Распознав... Как рука в руке
Не спеша, спустится по тропе
Пожилая пара к реке...

17-Е СЕНТЯБРЯ

Краткие встречи, долгие проводы...
В тёмные воды сентябрьской Псковы
Старые башни Окольного города
падают, неба глотнув синевы.

Долгие проводы, краткие встречи...
Просит душа, умоляет не мчать
Время, которое губит и лечит,
Ясли судьбы продолжая качать.

Долгие проводы. Лёгкая морось...
Пригоршней – солнце – от лета привет...
День убывающий, встреченный порознь...
Ночь, как надежда, что скоро рассвет..

* * *

А липы гнали свет со старого двора.
Струилась тишина, как молоко в подойник.
Они уже срослись – трухлявая кора
и корка на сухих натруженных ладонях.

Не отогреть платком серебряный куржак.
Распахнуты в туман морщинистые веки.
За этой пеленой – расстеленный пиджак,
и нежность, и тела, как сцепленные ветви.

– Ни солнца, ни тепла, – соседи говорят. –
Срубить бы их пора. Поможем, если надо.
Ну как им объяснить, что летняя заря
давно погасла там, где ржавая ограда,

где столько долгих лет колышется трава
под красною звездой на дальнем перекрестке?
Исчерпаны до дна и слезы, и слова.
И губы запеклись шершавою коростой.

Отшелестит закат прогретой резедой,
уснувшие сады смородиной задышат...
И снова будет ночь. Как та, перед бедой.
И липы зацветут над обветшавшей крышей.

* * *

Август телегу с дороги свернул,
доверху полную спелым ранетом.
Вьется над церковью праздничный гул.
Ярмарка. Светлые проводы лета.

Полно. В каком это было краю:
скорби и радости? Лики и лица?
Время отломит краюху свою
и не подумает ею делиться.

Только садов предосенний настой,
в город проникший по улочкам старым,
сердце наполнит прозрачной тоской,
словно антоновку соком янтарным.

Туча на яблоне виснет с утра,
как на заборе мальчишка бесстрашный.
Ветер погонит ее со двора –
вырвется клоч из помятой рубашки.

В свежей прорехе блеснет синева
и освятит благодатью пролитой
преображение мысли – в слова,
завязи – в яблоко, веры – в молитву.

* * *

Пересохшие губы раскрыли колодцы.
Не сыскать уголька в прошлогодней золе.
Но весна по привычке сюда доберется,
улучив свое время на этой земле.

Будет солнце упрямо на запад катиться.
Будет слышаться ставни отчаянный всхлип.
И, как прежде, опустится глупая птица,
заприметив дрожащие остовы лип.

Закричит, закурлычет, зайдет по-вдовьи,
заслоняясь от горя усталым крылом.
Это – время стенать над погибшим гнездовьем.
Время строить, наверное, будет потом.

Долгий клекот в закаты бездонные канет.
Во дворах по-собачьи завоют ветра...
На церквнице темнеет нетесаный камень –
сколько их по Отчизне еще собирать...

А земля налилась бабьей нежностью вешней,
в первоцвет, как невесту, себя обрядив.
В небе новенький серп на гвоздочек подвешен.
Время сеять.
А жатва еще впереди.

СКАЗ ОБ ИЗБОРСКО-МАЛЬСКОЙ ДОЛИНЕ

Я всё ещё в доме, за чашкой горячего кофе,
Но внутренним взором давно – вглубь Изборских земель
И подле двенадцати вод, омывающих профиль
Пологих откосов, ведущих те воды к земле –

К земле непорученной: к облику Мальской долины,
Как к образам многих и многих былинных святых.
И тихая святость её неземной половины
Зовёт обратиться, как к древнему князю, на «ты»...

Двенадцать ключей, как двенадцать апостолов, – сходят.
И нить продолжения жизни тонка, но – крепка.
И сказочно всё – до краёв, с погружением в воды –
В иные по складу и мысли седые века...

И сходы ключей обращаются в звонкие струи,
Став отзвуком всех заповедных общин и лощин
И – бранной отваги со всей древнекняжеской сбури.
И чашу небес наполняет ещё на аршин.

И добрая заводь, ближайшая к озеру заводь
Добро и давно заповедана и обжита.
И с лебедем плавать, как с ангелом по небу плавать:
Где гуси, где лебеди – где между ними черта?! –

На вольных хлебах – из протянутых детских ладошек.
И братца Иванушку – не умыкнул за леса.
Сестрица Алёнушка – братцу: «Какой ты хороший,
Что хлеба не жалко, который бы скушал и сам!»

И белая булка – французская русская булка, –
Само объеденье, – идёт на благие дела...
Я всё ещё в доме тишайшего здесь переулка,
Но внутренним взором – до кромки небес добрела!

И пусть это небо такое бескрайнее – вровень
С моим, что в фарфоровой кружке сжимает рука!..
Я всё ещё в доме, но, видно, по зову, по крови –
Молочные – реки, кофейные – их берега!..

ПОЭТЫ И ЧИТАТЕЛИ

*Спи, душа моя, крепче спи,
спи, как спит городок в степи
на казенном пути моём.
Ты со мной не ходи в наём...
А. Власов, «Транзит»,*

Здесь поэты, увы, издаются за собственный счёт...
Им бы деньги нужней не на свет – на пропой тиража...
Но начни их читать – и поэты напишут ещё!
Каждым словом в новёхонькой книге своим дорожа.

И поэт у поэта спросил: где издал и почём...
А читатель – смутился, случайным свидетелем став.
Он о том разговоре совсем бы не зная предпочёл –
Кто, кому и за сколько – о, небо! – те книги верстал!

Но поэты – отважные дети, которым уже
Стукнул пятый десяток, а им каждый завтрак – впервой!
Только манную кашу на новом своём рубеже
Перемалывать дёснам в беззубой ухмылке кривой –

Не в беззубой улыбке: где рано ещё в детский сад,
Где ещё за накрытым столом – сам себе господин:
Кроме соски-пустышки и нечего больше бросать,
А привычки не столь и вредны, чтобы стоять седин!

Но поэты к поэтам – на чай... со своим «пузырём»...
И от тех посиделок – в кармане последний сквозняк:
«Спи, душа, – говорит, – и со мной не ходи в наём...»
Пусть колёса стучат, повторяя: всё так... всё так...

А поэты поэтам такая большая родня,
Что становится жутко: не миру ли вскорости крах?!
И тревожные сводки – тревожнее день ото дня:
Вот уже он в Сети, он в пути – интернет-альманах!

Но поэты и там умудряются за собственный счёт,
Тычась в серверы новых, а в сущности – старых, машин,
Не молчать!.. Не бояться!.. Наверное – что-то ещё...
Может, просто любить этот мир – до последней души!

СОДЕРЖАНИЕ

Вспоминая фестиваль «Словенское поле» 3	Строка18 Сосна19
Дарья Ильгова «Уедешь от Москвы на сотню верст...» 4 «Есть на земле особые места»5	Елена Ларина Концерт для скорби с оркестром20 Лишний21
Светлана Конева Словенское поле6 OST7	Артур Гайдук Исповедь профессора Сорбонны22 Тишина тонка как лёд23
Валерий Савостьянов Засадный полк8 «Говорят, что когда они взяли Рейхстаг...»9	Олег Сешко Воробышек24 Трое24 Кукулькан25
Юрий Ишков Звонарь10 «Гей, родимые, ливни-кони...»11 Это Русь!12	Анастасия Самофральнойская Россия. 1991 год26 «Из Смоленских князей родом Мусорга был...»27
Светлана Прыжкова Себеж13	Владимир Иванов Славься Русь святая28
Вера Суханова «Это ночь раскрывает секреты твои, древний город...» 14 «Я слово скажу о таинственной тяге...»14 Древний город15	Виктория Панина Ко Дню Победы29 «Красно-белое время кистью...»30
Любовь Колесник «В старинном светлом городе Торжке...»16 «Наводнённый варягами, фрицами выжженный город...»17	Игорь Кабанов Белой армии31
Олег Мошников Свеча18	Николай Рассадин 191732 191832 192133
	Андрей Канавщиков Старая фотография34 Новый год в Новороссии35

Зинаида Варлыгина	«Память детская, цепкая помнит...» 51
«Идёт с талантом, совестью и разумом война...» 36	
«Без вести – значит жив»...».....36	Ольга Флярковская-Левкина
Анна Махно	«Даль моя дальняя, боль моя тихая...»52
Великие Луки37	«Родина моя, в часы печали...».....53
Александр Козлов	Залина Ананченко
Последнее письмо38	Расскажи мне, мама, о войне54
Я воскресну навечно39	Российские названия55
Лариса Егоршина	Ирина Алексеева
Весна сорок пятого40	Граду избранному56
Купно за едино41	Послание света57
Светлана Размыслович	Андрей Антонов
Он ушел рядовым42	Псков58
Прими меня, Питер43	Ольга Верибина
Ольга Голубева-Сванберг	Фото солдата61
Городу на Неве и Вере Пауданен ...44	Светлана Пригоцкая
Узор Невы44	Вяземский котёл62
Россия45	Вязьма63
«Я хочу подарить тебе нежность...» .45	Валентина Даниленко
Дина Дабришюте	Псковская земля64
Обещание46	Изборск65
Карты46	Ольга Королёва
Встреча47	Изборская мелодия66
Станислав Колчин	Изборские раскопки67
Русь рязанская48	Мария Парамонова
Русь моя светлая48	Я влюблена в Изборск68
Ночные россы49	Мой дом69
Александр Себежанин	Надежда Камянчук
«Ты живи века, Русь родимая...» ...50	Держись за небо70
«Детства край изумрудно- клеверный...».....50	Привилегии царей71

Наталья Страхова-Хлудок Изборские холмы72	Галина Стручалина Дорога88 Соотечественнику в Харбине90
Людмила Тишаева Сказ о псковском князе Довмонте- Тимофее73	Василиса Кравченко Блок и Бродский91
Юлия Носова Княгиня74 «Незабвенная Псковщина...»74 «Березка тенью на стене рисует тюлевые сборки...»75	Андрей Теддер Сказочное92 Вопросуспокоянии.....92
Елена Филиппова Псков, 158276	Олеся Соловьёва «На золотистом серпике луны...» ...93 «Я прилечу к тебе на крыльях сна...»93
Вячеслав Михайлин Боголюбивый город Псков77 Молящийся старик77	Ирина Яненсон Просто Зяма94 Энвер Жемлиханов95
Татьяна Сушенцова Не призвалась, не была78	Людмила Писарь Россия96
Валентина Беляева Дети блокадного Ленинграда80 Письмо украинцу81	Владимир Королёв Изборская Русь97
Владимир Савинов «Для кого стихи – макулатура...»82 Послевоенные мальчишки83	Татьяна Гаврилова «По дороге прямой...»98 «Птицы, словно ангелы...»98 «Родина, Отечество, Отчизна...»99
Людмила Руснак Бреда84 Герой России85	Дмитрий Горох «Что это за мир такой правильный...»100 «Парижская нота»101
Геннадий Синицкий Стольный град – Псков!86	Иван Иванов Широта души102 Детям войны103
Ольга Соколова 1942 год. Не зови!87	

Наталья Лаврецова	Зима Растаяла! – Рондо	117
Диалог		104
Старик		105
Игорь Исаевъ		
«Ничего не держится в карманах...»		106
«В три месяца лютующей весны		106
«Мы понятия меняем...»		107
Владимир Павлов		
Крещенский сочельник		108
Изборск		108
Анастасия Рудь		
Она сидела у окна		109
Одуванчик		109
Александр Родионов		
Мы.....		110
Август. Полночь		110
Александр Петров		
«и наверное не важно, где дом, где ты...»		112
«И гром покажется музыкой...»		112
«Мои дорогие, отважные, милые дети...»		113
Екатерина Юдина		
Представь, что я приеду		114
Мне нельзя о тебе говорить		115
Елена Черных		
Мы родом из детства		116
Зима-кружевница		117
	Игорь Плохов	
	«Холодный путь – он тоже путь...»	118
	«Мы остаёмся навсегда...».....	118
	«Вот калитка, плачут птицы...»	119
	Татьяна Лапко	
	У костра	120
	Закрываю в осень дверь	121
	Сергей Горшков	
	Уйду	122
	Солдаты пера	123
	Андрей Бениаминов	
	«Нынче писать стихи...»	124
	Есть в России места	125
	Вита Пшеничная	
	Куда идёшь ты, Русь?.....	126
	На реке Пскове	127
	17-е сентября	127
	Елена Крикливец	
	«А липы гнали свет со старого двора...»	128
	«Август телегу с дороги свернул...».....	128
	«Пересохшие губы раскрыли колодцы...».....	129
	Алёна Жеглова	
	Сказ об Изборско-Мальской долине	130
	Поэты и читатели	131

ПСКОВСКИЙ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ПОРТАЛ

<http://pskovpisatel.ru>

Словенское поле – 2016

Стихи

Подписано в печать 29.11.2016. Формат 60x88/16.
Бумага писчая. Печать офсетная. Объем 8,5 п. л.
Заказ 773. Тираж 300 экз.

ГППО «Псковская областная типография»
180004, г. Псков, ул. Ротная, 34